

ЛЕТОПИСЬ 2000

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ИРИС ЛОКЬЕР

18+

Ирис Локьер
Летопись 2007

«Автор»

2026

Локьер И.

Летопись 2007 / И. Локьер — «Автор», 2026

Нулевые. Спальный район на севере Москвы живёт своей размеренной жизнью. Среди панельных двенадцатиэтажек и круглосуточных ларьков с CD-дисками гуляют компании эмо, на которых косо поглядывают бритоголовые. Первого января 2007 года Вика решает завести дневник, чтобы навсегда сохранить в нём тот момент, когда её новогоднее желание сбудется. В сердце ещё осталось немного места для веры в чудо... Но то, что скрыто впереди — невозможно было вообразить даже в самом страшном сне. Надежда, дружба и любовь столкнутся с серьёзной проверкой на прочность. За каждым новым знакомством скрывается опустошающая потеря. За первыми отношениями — страшная ошибка. За каждой субкультурой — травмы и противоречия. История о подростках, чьи души успели впитать не только прелести, но и драмы десятилетия.

© Локьер И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Предисловие	6
Глава 1: Корни	8
Глава 2: Рыжее пламя и иссиня-чёрная краска.	12
Глава 3: Ночь и эмокор	17
Глава 4: Кривое зеркало	20
Глава 5: «Грушныи»	23
Глава 6: Совсем близко	28
Глава 7: Осень. 1983	31
Глава 8: Грубые шрамы	36
Глава 9: Поймать чудо	38
Глава 10: Разбитый	43
Глава 11: Последние дни зимы	47
Глава 12: Осколки	49
Глава 13: Найти выход	54
Глава 14: Между прошлым и будущим	58
Глава 15	60
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Ирис Локьер Летопись 2007

Предисловие

Автор обложки: Merlln (Мерлин)

Дисклеймер:

Данное произведение содержит материалы, предназначенные исключительно для взрослой аудитории (**18+**).

История, разворачивающаяся в книге, является художественным вымыслом. Все совпадения с реальными лицами и событиями случайны. Содержание отражает авторское видение социальных проблем прошлого и не относится к современной России. Книга не является пропагандой насилия, экстремизма или противоправных действий. Автор категорически осуждает все проявления дискриминации и насилия. Произведение создано для художественного осмысления важных для автора проблем и поиска способов с ними справиться.

Автор призывает читателей к критическому осмыслению поднимаемых тем и напоминает, что за помощью при психологических проблемах следует обращаться к специалистам.

Книга не рекомендуется к прочтению лицам младше 18 лет, а также людям, чувствительным к следующим темам:

1. Насилие и жестокость
 - Подробные сцены физического насилия
 - Массовые столкновения между деструктивными группировками
 - Насилие над несовершеннолетними в семье и школе
 - Сцены убийств
 - Кровавые сцены и телесные повреждения
2. Сексуальное насилие и домогательства
 - Упоминание сексуального насилия над несовершеннолетними
 - Принуждение и домогательства
3. Психологические травмы
 - Суицидальные мысли
 - Депрессия, тревожные расстройства
 - ПТСР (посттравматическое стрессовое расстройство)
 - Панические атаки
 - Эмоциональное насилие и газлайтинг
4. Экстремизм
 - Описание деятельности скинхед-группировок прошлого
 - Идеология ненависти и ксенофобии
 - Участие подростков в экстремистских организациях
 - Рейды и нападения
5. Смерть и утрата
 - Подробное описание убийств
 - Горе, траур и его последствия
 - Смерть близких
 - Несправедливость и безнаказанность
6. Запрещённые вещества и алкоголь
 - Употребление алкоголя несовершеннолетними
 - Алкоголизм и его последствия
 - Злоупотребление алкоголем персонажами
7. Токсичные отношения

- Контроль, манипуляции и ревность
- Насилие в отношениях
- Психологическое давление

8. Социальные темы

- Буллинг в школе
- Социальное неравенство
- Расовая и этническая дискриминация

Произведение является драмой о важности личной ответственности, о последствиях выбора ненависти вместо человечности и о том, как эмоциональные и физические травмы формируют судьбы героев. Книга содержит множество тревожных сцен, и к её чтению стоит подходить осознанно и с соответствующей эмоциональной подготовкой.

С уважением, Ирис Локьер.

Глава 1: Корни

27.12.2007

Как же... холодно...

На волосах и ресницах иней. Попытка подняться качнула мир в разные стороны — тело отказывалось слушаться. Под носом запеклась кровь — острая боль ушла, оставив после себя лишь онемение. В оконном проёме недостроя, покоящегося на обочине трассы, висела бледная луна — единственный безмолвный свидетель случившегося.

Постобморочная контузия не смогла долго держать сознание за своей пеленой, через неё стал виден ужас. Воспоминания обрушились беспощадной лавиной. Знакомые голые стены, изрисованные символиккой и лозунгами, словно зажали в тиски. Сквозь страх прорезался лишь один вопрос: «Куда он делся?..»

Лихорадочное обшаривание карманов в поисках телефона не принесло ничего, кроме осознания — пусто.

Неужели забрал?.. Только не это...

Спустя минуты панического осмотра, в тёмном углу, среди битого стекла и снега, тускло блеснул знакомый корпус. Зернистый экран ожил, мерцая тусклым синеватым светом. Длинный список пропущенных и последние СМС подтвердили худшее:

— Чт-то... Что?! Этого... этого не может быть, ты что, сука, задумал, нет... нет! Ублюдох не-ет!

Вика вылетела из заброшки, бросаясь в неизвестность. С трудом проталкивая в лёгкие зимний воздух, она побежала к дому, ведомая лишь зыбкой, тающей надеждой. Редкие фонари едва выхватывали её фигуру из густых сумерек.

Конец 2007-го окончательно поглотила тьма.

Запись от 1.01.2007:

Привет... Мне очень хотелось начать вести дневник, и вот — моя первая запись. Не знаю, какой она получится, ведь ты ещё ничего обо мне не знаешь. Рассказать хочется о многом, но, пожалуй, всему свое время. Меня зовут Вика Лазарева, мне пятнадцать. Я живу в Москве, но, правда, на самой окраине. Но свой район я всё равно очень сильно люблю. Весной и летом здесь так клёво, всё утопает в зелени. Сейчас я ужасно скучаю по теплу, ведь на календаре первое января, и до настоящего солнца ещё целая вечность. По идее, первая запись должна быть особенной, но вообще я не знаю, что именно делает её такой. Наверное, самое важное — это моё новогоднее желание. Я бы очень хотела рассказать о нем, но сперва ты должен кое-что понять про мою семью. У меня есть и папа, и мама. Папа — инженер на заводе, мама — повар в ресторане. Со стороны кажется, что у нас всё хорошо, но на самом деле — нет. Пару дней назад мы с мамой нарядили ёлку, а тридцать первого я помогла ей со столом. Папа в это время просто сидел перед телевизором и смотрел старые фильмы. Иногда он даже улыбался. Зато мама точно была счастлива. Когда ей позвонил некто, она сразу расцвела и выскочила на балкон, забыв про готовку. Я всегда чувствую, когда звонит именно «он»: мама выходит туда только чтобы поговорить с этим человеком. Я часто подслушиваю их разговоры, сидя возле двери, а мама будто и не замечает, или ей просто всё равно. В каком-то смысле мне радостно видеть её такой, ведь рядом с папой она совсем гаснет. Когда начался бой курантов, всё было не так, как раньше. В прошлые годы, загадывая желание, мама всегда держала папу за руку, и я точно знала: они загадывают одно и то же. В этот раз она сжимала бокал обеими руками, а папа просто стоял с закрытыми глазами, и уголки его губ даже не дрогнули. Даже подарок совсем не принес радости после такой полуночи. Теперь

желание... Говорят, о нем нельзя рассказывать, иначе не сбудется. Но я пообещала себе, что от тебя никаких секретов не будет. Я очень хочу поверить в чудо. Хочу, чтобы оно наконец случилось, и у меня появилась по-настоящему счастливая семья. Хочу видеть рядом отца, который способен чувствовать хоть что-то, кроме пустоты. Пожалуйста, 2007-й, принеси нам наконец счастье

Поставив точку, Вика подошла к окну. Под радостные крики во дворе пускали салют. Его разноцветные вспышки ярко освещали чёрное безлунное небо.

«Пусть через год... но я бы так хотела, чтобы салюты запускала уже моя семья», — Вика слегка выдохнула, и стекло мгновенно покрылось мутной дымкой. Спустя минуту на нем запечатлелись три маленьких, выведенных пальцем сердца.

Начало 1991-го. В семье Олега и Светланы Лазаревых — родилась девочка.

Для Светланы рождение ребёнка стало долгожданным чудом, а для Олега — живым напоминанием о мирной жизни — той самой, которую он безуспешно пытался вернуть в своей голове.

Мама рассказывала, что когда я была маленькая, все их знакомые шутили, якобы мы с ней сошли с одного конвейера. Этот вздёрнутый нос, черты лица... Мы с мамой реально как две капли воды. На всех её фотографиях из юности я буквально вижу себя. От папы же мне достались светлые волосы — на этот счёт тоже были шутки. Мол, чтобы никто не догадался, что мою маму клонировали, она попросила добавить мне чуть-чуть папиных штрихов.

Когда я погружаюсь в воспоминания о детстве, мне сразу видится, как мы с мамой сидим по вечерам на кухне. Вокруг — тёплый жёлтый свет от лампы, горячий чай в больших кружках и миска с печеньем. Мы могли болтать часами, хотя чаще я просто слушала: слово принадлежало маме. Я могла бесконечно слушать её горькие, полные ностальгии и тоски истории о давно ушедших днях. В такие моменты мама казалась удивительно живой и одновременно какой-то страдающей от своего полета в облаках.

Особенно часто мама любила возвращаться в тот сентябрьский вечер восемьдесят третьего. Она каждый раз переживала его с такими эмоциями которые мгновенно испарялись, стоило ей вернуться в настоящее. В мир, где уже не такая осень, не такая музыка и в котором давно уже не тот папа.

Часто Вику оставляли погостить у бабушки по папиной линии — Галины Ивановны. Её квартира была застывшим музеем семейной истории, пропитанным духом ушедших лет. Девочку особенно тянуло к фотографиям молодого отца: на них она видела полного жизни юношу с чувственным огнём во взгляде — того, кого никогда не встречала в реальности.

Я так любила бабушкину квартиру — даже больше нашей. Там всегда было так хорошо, так уютно. Даже свет в окна падал по-особенному. Мне нравился звук старого телевизора, был дорог запах антикварной мебели и книг. Это тот мир, в который я по сей день мечтаю вернуться и который буду вспоминать всегда. Особенно бабушку, вяжущую мне на зиму варежки или шарф, и её невероятные щи. Я дорожусь всем, что связано с ней.

Бабушка Галя в ответ тоже горячо любила единственную внучку. Она изо всех сил старалась дать девочке ту нежность, которой ей так не хватало дома. Всё же мама, несмотря на редкие порывы излить душу, оставалась почти такой же отстранённой, как и отец.

В её рассказах о настоящем то и дело сквозило разочарование: появление дочери так ни на что и не повлияло, хотя надежды на это возлагались фантастические. В свободные часы, когда желание выговориться не просыпалось, Светлана Андреевна возвращалась в мир цветущей юности иначе — пересматривая советские и американские мелодрамы и слушая лиричную музыку.

Галина Ивановна же не оставляла Вику ни на минуту, взяв на себя всю ответственность за её воспитание и счастье. В часы затишья бабушка любила рассказывать внучке истории их семьи. Вику всегда колола тихая грусть оттого, что дедушка Виктор остался для неё лишь именем в бабушкиных рассказах.

— Бабушка А это из-за дедушки?.. — поинтересовалась однажды Вика, после истории о папиной студенческой рок-группе.

— Что из-за дедушки, золотце?

— Папа. Он такой грустный из-за него?

— Ох Мир слишком сложный, дорогая. Тебе ещё слишком рано его понимать

Бабушка говорила о прошлом так же много, как и мама, но ощущалось это совсем иначе. Это было похоже не на трагическую историю любви, а на повесть о маленьком человеке в большом и сложном мире... С возрастом поистине становится тяжело принимать его правила.

Когда Вике исполнилось десять, в семье случилось самое страшное — бабушки Гали не стало. Она ушла тихо, во сне, в своей постели — совсем одна. В тот вечер жизнь теплилась лишь в старом дубовом шкафу, где среди шерстяных вещей затаилась моль.

Когда я узнала, узнала, что бабушки больше нет — я впервые увидела папины слёзы. Такое просто невозможно забыть. Я подошла и обняла его, а он обнял меня в ответ. Не знаю, отчего мне тогда хотелось плакать сильнее.

Спустя пару месяцев Олег Викторович продал квартиру матери. На вырученные деньги он купил гараж и новую машину, сделал ремонт, а остаток отложил на будущее.

Я не осуждаю отца, деньги всегда нужны, но не понимаю. Когда они закончатся, что останется от бабушки? Лишь обрывки воспоминаний и сны, после которых больно просыпаться.

Голод, который никак не получалось утолить после ухода бабушки, с годами становился только острее. Когда Вика училась в пятом классе, она решила записаться в секцию самбо. На этот выбор её подтолкнули долгие наблюдения за отцом.

«Папе ведь нравятся все эти турниры, борьба... Может, он это оценит? Увидит, как много он для меня значит и на что я готова, чтобы он снова обнял меня — просто так, без этой вечной грусти в глазах», — с этими мыслями Вика пришла к родителям.

Олег Викторович одобрил решение дочери, но без особого воодушевления. Светлана Андреевна, напротив, прочила Вике танцы, но решительность дочери победила.

Самбо — это, конечно, отдельная рана в сердце. Столько сил потрачено, столько пота и слез пролито, но хоть без крови. Я так долго не могла достичь вершины, которой, как мне казалось, ждал от меня папа.

«Всего одно грёбаное золото. Всего одно чёртово золото, и всё наладится... Всё должно стать хорошо. Если любовь нельзя получить просто так — значит, её нужно заслужить. Нужно просто продолжать», — проливая обидные слезы после очередного поражения, душила себя пустыми надеждами Вика.

Эх, маленькая глупая я. Если бы всё было так просто. Возможно, сейчас мне не хватает той горькой иллюзии, вера заставляла двигаться вперёд. А когда золото оказалось на шее. Лучшие бы я никогда его не брала — разочарования было бы меньше.

Достигнув вершины, все поздравления мира не могли засеять пепелище внутри девочки: отец не дождался её триумфа. Человека, ради которого всё это затевалось, не оказалось рядом.

— Ты что, совсем?! А как же Вика?.. — Светлана Андреевна мёртвой хваткой вцепилась в его рукав.

— Сегодня особая дата. Мне нужно идти, — глухо отозвался он. — Раз меня позвали, я должен быть.

— Ты не можешь поехать позже?! Побудь ты хоть сейчас отцом!

— Я пытаюсь. Но мне пора, — пробормотал он и резко выдернул руку, после чего растворился среди других родителей.

Светлане было невыносимо стыдно перед своей победительницей. Она обнимала, целовала, пыталась как-то оправдать папу... Но море не заметило капель дождя. Вика яростно швырнула медаль в стену и со слезами на глазах скрылась в раздевалке.

Для чего всё это было? Зачем быть таким жестоким?.. Почему ты не можешь просто рассказать? Почему я должна терпеть и продолжать? До сих пор тяжело отпустить то предательство. Время идёт, а я всё ещё хожу на тренировки, всё ещё пытаюсь понять родителей. Разве за все мои старания — я не заслужила маленького чуда?..

Глава 2: Рыжее пламя и иссиня-чёрная краска.

Запись от 06.01.2007:

Сейчас такая холодная зима. Каникулы практически закончились, и скоро придётся возвращаться в школу... Ох, как же меня это не радует, особенно после того, что я узнала от Даши перед Новым годом. Мы, кстати, договорились устроить у неё ночёвку в понедельник — её папа как раз будет на ночном дежурстве. Я ведь ещё не рассказывала тебе о ней? Даша — моя лучшая подруга и единственный человек, который меня по-настоящему понимает. Её фотография сейчас украшает твою обложку. У неё в жизни тоже хватает проблем, но она всегда готова выслушать и поддержать. Я безумно ей благодарна. Наверное, ты хочешь знать, почему я ничего не писала все эти дни? Просто не знала, чем поделиться. Дома всё как раньше — видимо, чудо работает не сразу. Целыми днями смотрю мультики и стараюсь не объедаться салатами, всё-таки скоро снова на тренировки. После праздников у меня всегда какой-то эмоциональный отходняк, очень тоскливо. Даша предлагала встретиться, прогуляться, но в такой мороз... В итоге согласилась только пройтись по ТЦ. Кстати, про Дашу... Она ведь теперь эмо. Говорит, что она так себя чувствует, и мне кажется, ей реально подходит. Хотя иногда я всё же скучаю по её рыжим волосам.

С самого 2004-го Вика не переставала удивляться тому, какой подарок ей сделала жизнь, столкнув с Дашей Антимоновой. Каждый раз, когда в календаре наступала «та самая дата», Даша неизменно спрашивала:

— А ты ведь не забыла тот день?..

На что Вика однозначно отвечала:

— Это вообще невозможно, Дашка. Невозможно забыть день, который вдохнул в мою жизнь такую подругу, как ты...

Январским утром 2004-го город нехотя оживал: школьники по инерции тянулись в классы после непродолжительных каникул. Как всегда, никто не был этому рад, никто ничего не ждал. У сонной ученицы 6 «В» Вики Лазаревой весь путь по тёмным заснеженным улицам прошел как в тумане. Двигала вперед лишь радостная мысль: снова увидеться с лучшей подругой, по которой девочка успела невероятно соскучиться.

Однако когда Вика зашла в кабинет, за их излюбленной задней партой она застала незнакомую рыжеволосую девочку. Та сидела в объемном меховом свитере коричневого цвета, с неловким румянцем на щеках, и меланхолично смотрела в окно.

— Привет, а ты кто? Почему ты тут сидишь? — Вика замерла у парты, недоуменно разглядывая незнакомку.

— Привет... Меня просто сюда посадили... — Она стыдливо поправила рукав своего огромного свитера.

— А, ладно. Ты новенькая, что ли?

— Да, новенькая...

— Просто я здесь раньше с другой девочкой сидела.

— Извини, я не знала... Я поговорю с классухой, пересяду...

— Да не, не надо. Я сама поговорю, — Вика недовольно отодвинула стул и села рядом с новенькой.

Ждать классного руководителя пришлось в тягостной тишине. Вика не горела желанием разговаривать и старалась даже не смотреть в сторону рыжей одноклассницы. Все ее мысли были о прошлой соседке и хорошей подруге — Алине, которая до сих пор не пришла.

— А как тебя зовут?.. — внезапно спросила новенькая.

— Меня?.. Вика. А тебя?

— А меня Даша.

— Приятно, Даша... Ну и как ты тут оказалась вообще?

— Ну, мы с папой в этот район переехали, так и оказалась. А ты в этой школе с первого класса учишься?

— Ага, но эта школа ещё не самая плохая. Та, что у метро, хуже, как мне кажется, — слегка отчужденно ответила Вика.

В этот момент в кабинет вошла классный руководитель 6 «В» — Надежда Емельяновна.

— Надежда Емельяновна, здравствуйте! А почему ко мне новенькую посадили? Я же с Короленко сижу...

— Лазарева, а ты не знаешь? Короленко в другую школу перевелась.

— Да ладно? Она мне ничего не говорила...

— Вроде подружки вы, как так?

— Не знаю...

— Ну ничего, вон с новенькой попробуй подружиться, девочка она хорошая.

Ничего не ответив, расстроенная Вика вернулась за парту. Даша, видя подавленное состояние соседки, старалась лишней раз к ней не лезть...

Отсидев с Дашей уроки в полной тишине, Вика поспешила домой.

На полпути она заметила, что новенькая всё это время шла позади и никуда не сворачивала.

— Слушай, ты меня преследуешь, что ли?! — не выдержала и вспыхнула Вика.

— Что? Да что я сделала?! Почему ты так на меня реагируешь?... — Даша растерянно остановилась. — Мне просто до дома так идти удобнее... Но если тебя напрягает, пойду дворами.

Вика смотрела на уходящую вглубь дворов одноклассницу, и раздражение сменилось жгучим сожалением... Совесть взяла верх. Теперь уже она пошла следом, борясь со сковывающим стыдом, но Даша двигалась быстро, пугливой походкой.

Девочка не замечала, что Вика идет следом, и просто продолжала двигаться вперед, пока на её пути не возник невысокий грузный мужчина.

На вид он был сильно пьян и смотрел своими стеклянными глазами прямо на Дашу. Она оцепенела, как и Вика, наблюдавшая за этим чуть поодаль.

Испуганная Даша не знала, что делать: броситься назад или попытаться обойти жуткую фигуру? Но мужчина сам начал стремительно приближаться. «Мама...» — единственное слово, пришедшее девочке в голову.

— Беги! — Для Даши Вика словно возникла из ниоткуда, буквально вытолкнув ту из остоленения.

Она подскочила к мужику и жёсткой подножкой повалила на заснеженную землю. Тот злобно пробормотал что-то невнятное, пытаясь схватить её за ноги, но получил точный удар в грудь — взвыл и тут же съёжился. Находясь рядом с ним, Вику аж затошнило от едкого запаха перегара. Рывок за руку, и они бросились прочь.

Девочки быстро добежали до Викиного двора. Дверь подъезда была совсем рядом, хотелось поскорее нырнуть внутрь. Но Даша остановилась возле детской площадки. Только когда стало ясно, что их никто не преследует, пришло долгожданное ощущение безопасности. Девочки стали приходить в себя, жадно хватая ртом обжигающий зимний воздух.

— Как ты там вообще оказалась? — Даша наконец перевела дыхание и посмотрела на свою спасительницу. — Шла за мной?

— Да, хотела извиниться... Я зря тогда сорвалась, — виновато ответила Вика, всё ещё всматриваясь туда, откуда они только что прибежали.

— Да ладно, забудь. А клёво ты этого... где научилась?

— Я почти год на самбо хожу. Рада, что хоть раз в деле пригодилось, пхах...

— Блин, спасибо тебе большое. Я вообще не знаю, что со мной случилось... Просто застыла от страха.

— Ничего страшного... Он, наверное, и не вспомнит ничего. От него кстати так ужасно воняло... Кажется, я до сих пор этот запах чувствую. — Вика слегка поморщилась, в шутку отгоняя фантомное зловоние.

— Да нет, сейчас уже ничем не пахнет. А откуда ты знала, куда надо бежать?

— В смысле? Я просто живу вон в том доме. А что?

Даша не сдержалась и прыснула со смеху, указав пальцем на панельку напротив:

— Хах, а я — в этом!

— Во дела... прости, — Вика мило улыбнулась в ответ. — Так вот почему ты шла за мной... неудобненько вышло.

— Ну, не совсем за тобой, просто так быстрее.

— Хах, ну... Согласна, так реально быстрее.

Когда девочки окончательно отдышались, решили не расходиться. Им обеим хотелось ещё немного продлить этот хрупкий момент. Даша присела на качели, а Вика встала рядом, прислонившись к железной раме.

— А почему вы с папой переехали в этот район? — спросила она, вполсилы качнув качели.

— Да он у меня пожарный, его сюда перевели вроде...

— Ну и как тебе тут?

— Даже не знаю... Сегодня было как-то не очень.

— На самом деле тут спокойно, тихо... Мне нравится. — Девочка обвела взглядом знакомые панельки и снова качнула качели.

— Наверное... Посмотрим, как всё сложится.

Вика на мгновение замолчала, подыскивая повод продолжить беседу.

— Я заметила... не знаю, можно ли спрашивать, но ты сказала, что переехала с папой. А где мама?..

Даша отвела потухший взгляд в сторону и покрепче сжала заледенелые цепи.

— Прости пожалуйста, если...

— Да нет, все нормально, просто мама... Она умерла, просто...

— Мне кажется, зря я спросила... Правда, прости...

— Всё правда нормально. Это было давно, я её почти не помню... Но на фотографиях она такая красивая... Папе, наверное, всё так же тяжело переживать это всё.

— А он у тебя хороший?

— Да, хороший... Но мы не особо с ним ладим. Он постоянно на работе, а когда дома — предпочитает побыть один...

— А у меня вроде семья полная — мама, папа... Но мы будто и не семья вовсе. Каждый сам по себе.

— Мне вот кажется... Если бы мама была рядом, то все было бы намного лучше.

— А друзья у тебя есть?

— В прошлой школе — нет. Меня там не особо любили. Обзывали постоянно... «Конопатая», «чучело» — это ещё самое мягкое. Не знаю, почему они так...

— Слушай... А вот я вообще не против с тобой дружить. Если ты хочешь, конечно.

Даша подняла голову, и в её глазах впервые за день блеснула искренняя радость.

— Я очень хочу, правда очень...

— У меня, кстати, скоро день рождения. — Вика улыбнулась, чуть сильнее раскачав качели — Приходи ко мне, я бы очень этого хотела.

— Правда? И у меня скоро... А у тебя какого числа?

— Четырнадцатого февраля.

Девочка только оттолкнулась ногами и тут же резко затормозила, чуть не вылетев с качелей.

— Серьёзно?! — Выдохнула она, не веря в такое счастливое совпадение. — У меня тоже четырнадцатого!

— Да ладно?! Хах, видимо, мы обе друг к другу приглашены!

После того разговора на качелях границы между Викой и Дашей полностью стерлись. Секреты, школа, свободное время — теперь всё делилось на двоих. Одноклассники быстро привыкли к неразлучному дуэту и в шутку прозвали девочек группой «t.A.T.u.».

Подруги часто ходили друг к другу в гости, праздновали вместе дни рождения. Светлане Андреевне новая знакомая дочери сразу пришлась по душе. Олег Викторович, хоть и оставался внешне холодным, втайне радовался: у Вики наконец-то появился человек, рядом с которым она могла быть безмятежна.

Лазаревы быстро смогли познакомиться и с отцом Даши — Егором Петровичем Антимоновым. Мужчина внешне напоминал огромную рыжую скалу: высокий, широкий, с квадратной челюстью, утопающей в густой бороде. Со стороны он казался грозным, но это впечатление было обманчивым. В пожарной бригаде Петровича уважали не только за ответственность и бесстрашие, но и за редкий дар — быть центром притяжения коллектива. Запас его анекдотов казался неисчерпаемым, а рассказывал он их так, что нередко хохотал вместе со слушателями.

— Ну что, Петрович, порадуешь сегодня? — всегда интересовался перед сменой Семен Михайлович, главный ценитель юмора коллеги.

— Обижаешь, Михалыч! Айдайте все ко мне!

После каждого анекдота в раздевалке раздавался такой оглушительный хохот, что, казалось, его было слышно в каждом уголке пожарной части.

Рыжебородый великан также прошел через те же испытания, которые беспощадно опалили душу Олега Викторовича. Это сходство судеб родило в двух отцах неподдельное уважение друг к другу. Светлана Андреевна и вовсе видела в Петровиче наглядный пример того, что даже после тяжелых потрясений — можно сохранить внутри жизнь. Она часто ставила отца Даши в пример мужу во время своих эмоциональных срывов.

— Ну почему, Олег?! Просто поговори с ним по душам, умоляю! Тебе же самому станет легче, сможешь наконец отпустить...

Олег Викторович реагировал на слова жены со сдержанным раздражением, хотя до открытых ссор никогда не доходило.

Сам Егор Петрович в их семейную жизнь тактично не вмешивался — в его собственной тоже хватало трещин. Единственная, к кому он не смог найти подход, — его собственная дочь. Даша регулярно испытывала отцовское терпение на прочность.

— Ты правда думаешь, что всё нормально?! — сорвалась на крик Даша. — Да мне тошно из-за тебя! Вечно ты либо на работе, либо «хочешь побыть один». А я? Почему ты даже не пытался быть рядом? Почему тебе наплевать?!

— Доча... не ори, прошу, — Егор Петрович тяжело вздохнул, не поднимая глаз. — Живы, здоровы, крыша над головой есть — чего тебе ещё? Я же пашу ради тебя. Чтобы у тебя всё было, чтобы не хуже, чем у людей... Пойми ты меня!

— Это бесполезно... — Она смерила его колючим взглядом. — Бесполезно...

Постоянное недопонимание давило на уязвимую душу Егора Петровича: он сам так и не оправился после ухода любимой. Оставаясь наедине с собой, он мог часами смотреть на

фотографии жены. Глаза его оставались сухими, но боль, исходящая от него в эти минуты, была почти осязаемой. Она напоминала густой чёрный туман, заполняющий всё пространство вокруг.

Даша тоже мучительно пыталась понять, как справиться со своим состоянием. *«Если это не заканчивается, может, стоит искать в жизни хоть какие-то цвета, кроме гнетущих?»* — рассуждала она, оставаясь наедине со своими мыслями.

Непрекращающаяся тоска по матери, помноженная на переходный возраст, в итоге привели девочку в популярную среди сверстников субкультуру — эмо.

В ноябре 2006-го в доме Антимоновых появился первый компьютер. Даша провалилась в интернет-пространство — бескрайнее, шумное и ещё не освоенное. На форумах её внимание приковали сообщества эмо. Эстетика меланхолии и их внешний вид казались чем-то особенным, манящим. Здесь получалось говорить о боли без стыда. Даша быстро влилась в тусовку, обрстая десятками новых знакомств.

Особенно тесно она общалась с девушкой под ником SIEzZzA. Новая знакомая не была такой близкой подругой, как Вика, не умела по-настоящему слушать, но она сделала главное — упаковала внутренний хаос в красивую обертку...

После сотен сообщений в «ЖЖ», написанных «заборчиком», Даша наконец почувствовала себя понятой. Проблемы вызывали у сетевых друзей не жалость, а восхищение. Окунувшись в субкультуру с головой, девочка выбрала себе новое имя. В сети место Даши Антимоновой заняла Антисердце.

Альтер-эго планомерно стирало естественную красоту Даши, скрывая её не только от мира, но и от неё самой. Выющиеся рыжие волосы теперь безжалостно выпрямлялись и красились в иссиня-чёрный, зелёные глаза прятались за линзами, а на веснушки ложился плотный слой тонального крема. Кольцо в тонком прямом носу завершало её превращение.

Гардероб тоже изменился до неузнаваемости. Прежние вещи Даша отдала Вике, освободив полки для новых из тематических секонд-хендов. Егор Петрович не решался на открытое осуждение, но новая манера общения дочери, её грим и тяжелая музыка вызывали у него глухое недоумение.

В классе Даша стала первой и единственной эмо. Это вызвало бурление в «гламурной» компании, символом которой являлась Аня Осипова.

— Ой, Антимонова, ты теперь такая грустная, наверное... Смотри, не затопи нас слезами! — картинно шутила Аня перед своей свитой.

— Ага, постараюсь, Ань... — без тени суеты отозвалась Даша. — А знаешь, чего я сейчас захотела больше всего?

— Нет, но могу предположить: какого-нибудь вонючего «Блейзера»? Или какую ссанину вы там ещё пьете?

— Кстати, чётко ты попала насчёт ссанины... — Даша на секунду скривила выбеленное лицо. — Потому что я бы очень хотела, чтобы ты сошла с ума, Осипова, и засунула свою тупую голову в унитаз.

— Фу! Да пошла ты! — фыркнула Аня и отмахнулась от неприятной одноклассницы.

Даша научилась огрызаться, но обида всё равно копилась внутри. Она пыталась заглушить её дружбой с Викторией и бесконечным чатом с сетевыми друзьями. Именно так — в образе Антисердца — она встретила свой 2007 год.

Глава 3: Ночь и эмокор

Зимние каникулы догорали, и девочки, как и планировали, устроили ночёвку. Вика собрала всё необходимое в спортивную сумку, быстро попрощалась с родителями и пересекла заснеженный двор. Стоило нажать кнопку домофона, как дверь коротко щелкнула, впуская внутрь.

Приятное предвкушение росло с каждым шагом, но ещё на лестничной площадке Вика опешила — сверху плотно навалилась музыка. Стены квартиры Антимоновых буквально дрожали. Звук был таким громким, что слова песен угадывались без труда. Наконец дверь распахнулась, и на пороге возникла Даша. На ней красовалась розовая футболка с надписью *Bratz*, вызывающе мерцающей чёрными стразами. С радостным криком она бросилась обнимать подругу.

Последние месяцы домашним саундтреком здесь служил исключительно русский эмокор. Оказавшись в эпицентре этого звукового хаоса, Вика едва сдержалась, чтобы не зажать уши.

— И как тебе только соседи ничего не говорят? — спросила она, стараясь перекрыть надрывный вокал из колонок.

— Да они привыкли уже, не парься! — Даша всё же милостиво убавила громкость, поправляя косую чёлку.

— У тебя, как обычно, «мейнстримчик» играет? — подколола Вика, узнав знакомые аккорды *Origami*.

— Сама ты «мейнстримчик»! А это моё внутреннее состояние, вообще-то!

Перед долгой ночью подруги решили заглянуть в круглосуточный ларек. В список припасов вошли сухарики, лапша быстрого приготовления и пара банок «Ягуара». Вика была не в восторге от такой диеты: скоро возвращаться к тренировкам, — но ради подруги решила напоследок оторваться.

Перед самым выходом Даша спохватилась, что нужно поправить макияж, и исчезла в комнате на добрых полчаса. Вике оставалось лишь смиренно ждать, растянувшись на диване под очередную серию «Наруто».

— Да мы же только туда и обратно! — лениво крикнула она в сторону прихожей. — Всё равно потом смывать!

— Вика, ты не понимаешь, так надо!

Пока Даша была полностью поглощена растушевкой угольно-чёрной подводки, подруга заглянула к ней в комнату.

— Я, кстати, петарды взяла. Хочешь, бахнем во дворе? — предложила Вика.

— Да ну, нафиг надо, — Даша наконец закончила, поправляя на ходу укладку. — Пускай лежат, пока не придет их время.

В квартиру они вернулись, шурша пакетами. Даша сразу скрылась в ванной, а когда появилась в дверях гостиной, от густого грима не осталось и следа. Перед Викторой снова стояла прежняя подруга — та самая, которую она знала всегда.

— Знаешь, мне кажется, так тебе намного лучше...

— Так, не надо мне тут! Сама решу!

В коллекции дисков отыскался сборник мультфильмов, и выбор пал на первые две части «Шрека». Из колонок вместо *Origami* теперь растянулись тяжелые риффы *Amatory*.

— Только бы соседи не взбесились... — Вика с опаской покосилась на настенные часы.

— Ой, Вик, им до фени! Тем более сейчас уже не так громко фигачит, не парься.

— Всё, поняла. Буду стараться меньше думать о каких-то там соседях, хах.

Пока Вика перенастраивала своё внимание, Даша закинула в рот горсть сухариков, наблюдая за происходящем в телевизоре:

— Блин, я раньше не замечала! Этот Чарминг — вылитый Галанцев! Прическа один в один, и такой же бесящий...

— Ха-ха, ну да... Только у Принца цвет волос другой.

— Ага, у него хотя бы посимпатичнее, — подметила Даша, машинально поправляя выпрямленную челку.

Мультфильм продолжился, но теперь Вика видела лишь яркие пятна на экране и слышала только свои мысли. Смех подруги доносился до неё словно из-под толщи воды.

— Даш... А ты уверена, что Вова реально с ней? — с затаенной печалью спросила она, вспомнив декабрьскую историю.

— Вик, мне незачем врать. Я видела их... — Даша отставила миску и сочувственно сжала руку подруги.

— Просто это так неправильно... У него же Оля, она такая красивая... А он всё равно с Аней...

— У Галанцева явно припрятана справка о феноменальном идиотизме... — скептически изогнула бровь Даша. — У метро я видела их чётко: он подарил ей цветы, поцеловал, а потом зашёл в аптеку... Вряд ли за гематогеном.

— М-да... — Вика на мгновение задумалась. — Интересно, а Денис знает? Или ему пофиг?

— Ему станет не пофиг, только если за Аней начнёт ухаживать... ну, ты понимаешь кто. И то проглотит.

— Хах, ну... Скорее всего.

— Да и у Осиповой вроде парень был, их там хрен поймёшь. Зачем ей этот малолетка?..

— Видимо, хочется попробовать всё. Помнишь историю про диджея?

— О-о-о да... — Даша допила банку и с жестяным стуком поставила её на столик. — И как после этого она ещё смеет на меня гнать? А пацаны всё равно пускают слюни, ужас...

— Ведь раньше Вова с Аней почти не общались, — вздохнула Вика. — Удивительно: как только он начал встречаться с Олей, Аня тут же навязалась.

— Стоят друг друга, — подытожила Даша. — Ты, кстати, на Новый год загадала что-то особенное. Надеюсь, это не связано с Галанцевым?

— Нет, — Вика робко улыбнулась, прикусив губу. — Он не настолько значим.

— Ну и отлично. Посмотри на Фиону: она выбрала клёвого Шрека, а не смазливового Чарминга. Понимаешь, к чему я? Не то чтобы тебе нужен огр, но... короче, главное, что внутри. Ну и чтобы снаружи было более-менее.

— Вообще-то Шрек в виде человека ничего такой. Жаль, в обратку откатился...

— Ему просто чёлки не хватало! — Даша зашлась в смехе. — Ладно, пойду докину закусок и заварю нам офигенный дощик.

— Ага, давай, челкастая!

— Зануда!

Вскоре Даша ввалилась в комнату, балансируя двумя дымящимися мисками, от которых на всю квартиру разлило химозным сыром. Стоило ей поставить их на столик, как она резко выпрямилась, будто её ударило током...

— Бли-и-ин, Вика, точно! Совсем из головы вылетело...

— Что такое? — Вика с любопытством подняла взгляд, наматывая на вилку лапшу.

— Меня Слеза пригласила на «Психею» десятого февраля... Может, ты с нами?

— Ха-ха, что? — Вика растерянно улыбнулась. — Ну, я такое не особо слушаю...

— Да пойдём, ну чего ты! — Даша затараторила с искрами в глазах. — Слеза говорит, там концерты нереальные... Там просто надо быть!

— Да у меня даже шмоток нет подходящих...

— Так, подъём! Идём выбирать прикид, у меня точно что-нибудь найдётся!

— Уверена?..

— Ну пожалуйста-пожалуйста... Вик... — Даша состроила жалобную гримасу, упав перед подругой на колени. — Я даже готова билет тебе купить! Я хочу побывать на своём первом концерте именно с тобой...

— Ну чего ты, вставай... Ради тебя... — сдалась Вика под напором. — Погнали. Но билет я сама куплю.

— УРА! Лучшая! — Даша едва не подпрыгнула. — Всё, примерка!

Ликующая Антисердце схватила подругу за руку и потащила в свою комнату. Пока Вика устраивалась на кровати, Даша принялась перерывать гардероб...

— Опа, нашла! — Даша победно вскинула над головой диск «Психеи». — Сейчас пойдёт нереальная тема... — Она ловко отправила диск в музыкальный центр и снова нырнула в недра шкафа.

— Ха-ха, окей, верю... Мне, кстати, твоя кофточка с Блум нравится, клёвая.

— О, я как раз хотела тебе её отдать! Давай, примеряй!

Разбрасывая одежду в поисках идеального образа, Даша между делом выдвинула ультиматум:

— И перед выходом я тебя накрашу! Это даже не обсуждается.

— Ой-ой... Будет интересно на это посмотреть, — Вика усмехнулась, прикидывая вещь...

Когда темы иссякли, а диск был прослушан до последней дорожки, девочек начало клонить в сон. Собрав мусор, они, уставшие и довольные, наконец улеглись. Совсем скоро наступит утро — последний день каникул. А за ним неизбежно вернутся школьные будни...

Глава 4: Кривое зеркало

Школа для Вики и Даши всегда представляла особую ценность — ведь здесь они познакомились и стали подругами. Это их тихая гавань, где можно было болтать без умолку, не замечая, как пролетают часы... Но с каждым годом находиться там становилось всё стрессовее. К девятому классу большинство их одноклассников окончательно переросли детство. В коридорах выстроилась жёсткая иерархия, где каждому, вольно или невольно, отвели строго определённую роль.

На вершине этой пирамиды царила Аня Осипова. Сошедшая словно со страниц Vogue, она считалась недостижимой. Казалось, что у неё есть всё — отцовские деньги на одежду и косметику, пышные волосы с медовым оттенком, романтические черты лица и женственная фигура. Ходячая витрина успеха, вызывающая у сверстниц гремучую смесь зависти и обожания.

Тяжелее всего в тени этой безупречности приходилось Алисе Шутовой. Номинально — лучшая подруга, на деле — вечно отстающая, задыхающаяся от ревности. Алиса из всех сил копировала стиль «королевы», но лишь подчеркивала собственную вторичность. Покинуть свиту означало крах, и Шутова выбрала другой путь: она мстила изнутри, тайно подогревая самые грязные сплетни об Осиповой.

— Они просто бесятся, потому что никогда не станут мной... Жалкие и никчёмные крысы, — бросала она своему отражению, узнав об очередном слухе.

Но за фасадом из брендов и высокомерия скрывалась зародившаяся в голове навязчивая идея. Имея почти что всё, Аня начала ощущать острую жажду заполучить любовь «лучшего парня в школе» — по совместительству одноклассника, знакомого ещё с далёкого детства.

Вову Галанцева, местную копию Принца Чарминга, знали практически все. Не только учащиеся, но и учителя испытывали к нему особый трепет. Семья Вовы играла в жизни школы едва ли не главную роль. Директор был в вечном долгу перед его отцом, Александром Леонидовичем. Крупный местный предприниматель не жалел денег на «благоустройство», фактически покупая сыну золотую медаль и готовя к будущей карьере финансиста. Мать же, Вероника Николаевна, владелица цветочного магазина, просто души не чаяла в сыне, считая его центром вселенной.

Чувствуя свою исключительность, Галанцев не обременял себя уважением к окружающим. Особой страстью Вовы были девушки...

«Как же вам повезло учиться со мной в одной школе... Вы ведь готовы утопить меня в обожании», — самодовольно считал он, наслаждаясь вниманием. Ухоженный внешний вид, высокий рост, спортивное телосложение и слащавая моська — соблазнительная обертка, скрывающая трясину.

Обладая доступом к секретам половины школы, Вова мастерски манипулировал сверстниками, оставаясь источником и распространителем самых отравленных слухов. Больше всего грязи он выливал на свою одноклассницу Аню, к которой тайно питал мучительную, злую симпатию... Сплетни об Осиповой бесили его, но собственную обиду он вымещал на ней же, анонимно подбрасывая дров в костер школьной травли... Но когда в начале декабря Аня призналась ему в чувствах, Галанцев не устоял. Он начал двойную игру, скрывая измену от своей официальной девушки — десятиклассницы Оли Мухиной. Вова всерьез опасался репутации изменника, но уж точно не боялся Дениса — брата-двойняшку своей новой пассии.

Денис Осипов был классическим школьным шутком, но с радикальным уклоном. Считая себя скином, он одевался вызывающе: тяжелые берцы, джинсы на красных подтяжках, чёрный бомбер и свежесбрившийся череп. Однако выглядел он не грозно, а скорее потешно. Все знали, что за этим фасадом нет никакой реальной угрозы. Раньше он пытался задирать младших, но вскоре и те перестали бояться неловкого старшеклассника.

Ярлык «страшненький» приклеился к Денису во многом из-за контраста с красавицей-сестрой. Он не был уродом, но объёмный лоб, асимметричные брови и родимое пятно на подбородке лишали лицо гармонии. Единственной красивой чертой были его глаза — золотистые, вечно прищуренные, куда более выразительные, чем у Ани. Сестра же откровенно тяготилась его обществом: нескладный брат-неудачник с вечно глупыми шутками портил её идеальный имидж. Она старалась не пересекаться с ним в школьных коридорах, а домой они всегда возвращались порознь — Осипова боялась, что тень Дениса бросит пятно на её собственное сияние.

Многие убеждения Денису неосознанно привил отец — Герман Филиппович, человек крайне невежественный и лицемерный. Владея сетью такси, где работали мигранты, дома он не стеснялся в самых грязных выражениях в их адрес. Если Аня пропускала этот поток желчи мимо ушей, то Денис впитывал каждое слово, отчаянно пытаясь походить на отца, видя в его цинизме силу...

Для Вики вся эта школьная грызня оставалась где-то за окном, в морозных сумерках уходящих каникул. До первого звонка в новом году оставалось всего тридцать часов.

Первые дни после каникул тянулись мучительно. В классе мало кто радовался встрече; всё мгновенно вернулось на круги своя, будто и не было двух недель свободы.

Запись от 01.02.2007:

Январь пролетел — даже не верится. Снова тренировки, снова школа. Вести дневник, конечно, очень непросто. За прошедший месяц ты узнал обо мне не так много, но грузить тебя скучной бытовухой не тянет. Кстати, осталось всего девять дней, и мы идем на концерт! Я, Даша и её подруга-эмо. Когда я сказала про рок-группу, папа так на меня посмотрел. И сразу дал деньги. Мама тоже не против. У них, вроде как, всё как обычно: живут в разных мирах. Даже не знаю, сколько ещё ждать этого «чуда», веры всё меньше. Ладно, хоть развеюсь, а там и днюха скоро.

Февраль принял эстафету у января, напоминая о себе не только морозом, но и несмолкающей тоской. В доме Лазаревых по-прежнему лишь имитировали семейную жизнь, а грязные сугробы окончательно перестали казаться праздничными.

Вика ходила на самбо, но всё чаще ловила себя на мысли, что ей всё равно... Спортивное рвение испарилось. Силы вытягивала и школа: нужно было держать статус отличницы и готовиться к ГИА. Галанцев, как назло, продолжал безнаказанно обнимать Олю на виду у всех, пока Осипова ждала его в тени пустых коридоров... «*Как же это бесит, сил нет... Почему никто, блин, этого не замечает?*» — Вика едва не сломала карандаш, в очередной раз наблюдая за пылкими гляделками Вовы и Ани.

Даша была её единственным кислородным баллоном. Подруги поглубже вжимались в последнюю парту, выстроив баррикаду из учебников, и вполголоса перебивали кости одноклассникам. Только предвкушение концерта «Психеи» и день рождения — те самые приближающиеся лучи света в конце душного школьного коридора — заставляли их каждое утро открывать глаза и идти на уроки.

— Как тебе мой новый рингтон, нравится? — спросила Даша, приложив к уху подруги сотовый.

— Да-а, вообще прикольный. Ты купила?

— Неа, я узнала, что на Nokia самому можно делать.

— Блин, классно... А что по днюшке, кстати?

— Точняк... Я, короче, всё выяснила: у папы точно дежурство, так что празднуем у меня.

— Хорошо. А ты вообще планируешь кого-то звать? — Вика не отрывалась от заполнения дневника.

— Я уже Слезу позвала. И кстати... в этот раз хочется по-нормальному затусить. Чтобы не просто ночёвка, понимаешь? Нам же шестнадцать!

— Наверное... Ладно, втроем придумаем что-нибудь.

— Ну почему втроем... Слеза позвала свою компанию...

— Зашибись... — Вика наконец подняла глаза, отложив дневник. — Походу, будет не день рождения, а сходка эмо-кидов.

— Ну Вик, они очень прикольные! Мы с ними ещё на концерте пересечемся, сблизимся.

— Ещё и на концерте... Почему я только сейчас об этом узнаю?

— Сама недавно узнала... Но чем больше народу, тем лучше! — Даша прикрыла глаза с мечтательной улыбкой, уже предвкушая этот отрыв.

— Я, может, тогда тоже девочку одну позову? — прервала её грёзы Вика. — Варю с самбо. Но она может отказаться из-за такого количества эмо...

— А чего так?

— У неё парень из этих... Скин, вроде...

— Слушай, а можно тогда без неё? Со скинами могут водиться только...

Договорить Даша не успела: звонок бесцеремонно прервал спор. Вика снова уткнулась в тетрадь. Ей совсем не хотелось превращать их праздник в типичную тусовку с перемыванием драм под дешевый алкоголь.

Запись от 06.02.2007:

Скоро концерт, а я узнала, что с нами пойдёт ещё и целая компания Слезы... Кажется, я буду чувствовать себя там белой вороной. Раньше я была уверена, что Даша всегда будет рядом... Теперь есть ощущение, будто за её внимание придётся биться. И на днюхе они будут. Из-за них не получится позвать Варю. Выходит, моих знакомых на празднике не будет вообще. У меня ведь кроме Даши, по факту, никого и нет...

Глава 5: «Трушные»

Суббота, десятое февраля... День, которого Вика ждала на протяжении месяца, начался с мелкой дрожи в пальцах и лихорадочной мысли: до «Психеи» осталось всего несколько часов...

Перед выходом Вика долго замирала перед зеркалом, пытаясь узнать саму себя. Вещи, одолженные у Даши, сидели безупречно — фигура выглядела точёной, а образ — частично законченным. Но за этой картинкой пульсировала тревога: Вике чудилось, что она натянула не одежду, а чужую кожу, сковывающую каждое движение.

— Ох, посмотрим, что из этого выйдет... — прошептала она своему отражению, поправляя непривычно узкий воротник.

Взбудораженная Даша встретила её на пороге и сразу потянула на кухню. На столе уже кучно теснились бутерброды, а из холодильника перекочевали две бутылки папиного пива. Одну из них, покрытую ледяным конденсатом, Даша тут же всучила подруге...

— Слушай, Даш... Я не хочу, если честно... Я за всю жизнь только бокал шампанского выпила, — Вика с опаской примерилась к холодному стеклу. — Не многовато ли будет?

— Вик, перед концертом — это будет в тему! Ты же хочешь оторваться по полной, а не просто музыку послушать? — Даша со знанием дела приложила холодный бок бутылки к щеке.

— Пхах, ты чего делаешь?

— Да просто холодок прикольный. Освежает мозги.

— А батя твой не заметит пропажу?

— Ой, не смейся, там у него ещё целый склад. Мы его печени даже одолжение делаем.

— Ну ладно, фух... — Вика сделала осторожный глоток, поморщившись от непривычной горечи. — Надеюсь, меня не прям сильно развезёт...

— Главное, что не водка. К тому же там все наши будут в кондиции — быстрее общий язык найдём, — Даша заговорщицки подмигнула, и горлышки бутылок встретились с коротким звоном.

Под «Психею», гремящую из колонок, сборы пошли бодрее. Тексты песен впечатывались в память сами собой, а Даша, поймав кураж, незаметно стащила из холодильника третью бутылку — «для закрепления».

В комнате пахло лаком для волос и дешевыми тенями. Пока Даша рисовала на лице боевой окрас, Вика сидела рядом, выплескивая всё, что копилось внутри: страх перед толпой, неуверенность и глухое нежелание справлять день рождения среди чужих людей...

— Вика-а, не грузись раньше времени! Вдруг мы все подружимся-передружимся? Я Слезе верю: раз она говорит, что ребята улётные, значит, так и есть.

— Просто пойми: я-то не эмо, как ни крути...

— Ну, это вопрос десяти минут! Вот сейчас закончу с собой и возьмусь за тебя. Обещаю: в зеркале увидишь незнакомку.

Когда Даша усадила подругу перед собой и потянулась к её лицу с подводкой, Вика то и дело прыскала от смеха.

— Дурочка, замри! — хохотала Даша, пытаясь прицелиться карандашом в дрожащее веко «клиентки».

Наконец, Вика решилась взглянуть на результат... Из зеркала на неё смотрело чужое, хищное и пугающе красивое лицо. Тёмные густые линии визуально вытянули глаза, сделав взгляд глубоким и надломленным.

— Как же тебе идёт, Вик... — Даша в восхищении прижала ладони к губам.

— Блин... А это реально прикольно! — Вика подалась вперед, изучая новые черты. — Даш, ты реально чудо...

— Без приколов, ты теперь настоящая тру-эмо. Осталось только волосы в чёрный — и хоть сейчас на обложку журнала Bravo.

— Ну нет, мой цвет мне дорог, — Вика поправила светлые пряди и, хихикнув, игриво прикусила губу: — Как думаешь, какой-нибудь эмо-бой на меня западёт?

— А ты ещё сомневаешься?!

Морозный воздух набросился на них прямо у подъезда. Он моментально ударил в голову, превращая «балавство» в вязкое опьянение. Теперь главной задачей было добраться до метро и проскочить сквозь него без приключений. Даша, то и дело нервно оглядываясь, потянула Вику за рукав:

— Слушай, по сторонам поглядывай. Если увидишь заряженную толпу в бомберах — сразу делай ноги.

— А это... ещё зачем? — заплетаясь в собственных ногах, пробормотала Вика.

— Да у метро вечно скины трутся. Им наш прикид — как красная тряпка...

— Ну я-то... ик... драться умею, — Вика попыталась принять боевую позу, но лишь сильнее накренилась в сторону. — Если что — выручу, хах!

— Очень на это надеюсь, — Даша с трудом удержала подругу на обледенелом тротуаре. — Только давай без лишнего героизма.

В метро реальность превратилась в трясущийся, забитый людьми тоннель. Вика прислонилась лбом к холодному стеклу двери; вибрация вагона понемногу вытряхивала хмель из головы, возвращая ясность мыслей...

На «Соколе» поток людей выплюнул их на поверхность. Город здесь жил своей жизнью, шумной и агрессивной. Почти сразу взгляд Вики выхватил из толпы стайку футбольных фанатов. Вскинутые вверх шарфы, резкие выкрики и тяжелая поступь — они шли широким фронтом, не собираясь никому уступать дорогу.

— А они нам ничего не сделают?... — Вика почувствовала, как внутри всё сжалось, а ладони мгновенно вспотели.

— Да не, вряд ли, это просто болелы. Им не до нас, — бросила Даша, хотя сама невольно втянула голову в плечи и прибавила шаг, стараясь слиться с серой стеной дома.

Спустя несколько минут впереди замаячил клуб, облепленный пестрой оравой неформалов. Здесь было всё: чёрно-розовые челки, косухи альтернативщиков и мрачный бархат готов. Внутри здание гудело, как растревоженный улей. Пока одни меланхолично подпирали стены, погруженные в свой внутренний нуар, другие уже штурмовали центр зала, заряжаясь гулом настраиваемых гитар...

Слеза на СМС не отвечала — телефон, видимо, захлебнулся в общем грохоте.

— Крепче держись, — скомандовала Даша, хватая Вику за руку. — Иначе те, что по центру, нас просто пережуют и не заметят.

Пригнув головы, подруги нырнули в густой туман из запаха пота, дешевых сигарет и предвкушения чего-то по-настоящему громкого.

— А ты вообще знаешь, как эта Слеза выглядит? Вы же ни разу не виделись! — Вика едва не сорвала голос, пытаясь перекричать гул сотен глоток.

— А? Она писала, что у неё красно-чёрные волосы и дофига пирсинга! — Даша вертела головой, как локатор. — Ещё розовая юбка и кофточка с Hello Kitty... Вон она! Точно! Эй, Слеза-а-а!

Даша замахала рукой так отчаянно, будто подавала сигнал бедствия тонущему кораблю. Прямо перед началом сета они наконец-то столкнулись. Вика во все глаза разглядывала новую компанию. Вот они — настоящие «тру», живое воплощение картинок из интернета. Казалось, их в полном составе только что выставили из витрины тематического бутика...

Среди девушек выделялся парень — неестественно худой, обвешанный шипастыми напульсниками, с проколотой бровью и в чёрно-фиолетовом шмоте. Он то и дело дергал головой, отбрасывая со лба длинную чёлку с ядовито-розовой прядью.

— Вау, Антисердце! Ты в жизни такая миленькая, просто кawaii! — Слеза восторженно вцепилась в Дашу, впервые увидев «легенду» своего ЖЖ вживую.

— А-ха-ха, спасибо! Ты тоже мегаклёвая! Вот, кстати, познакомься — моя лучшая подруга, Вика. Она не эмо, типо.

— Ого-о, та самая? — Слеза мазнула по Вике оценивающим взглядом. — Очень приятно!

— Да, взаимно... — Вика неловко кивнула, чувствуя себя здесь лишним элементом.

— Так, девчонки, знакомьтесь с моими: Печалька, Психозка, Хрупкая и Брокен...

Даша сразу присмотрелась к парню.

— Брокен, что-то знакомое... Мы в декабре не чатились?

— Ну... было дело, пересекались в комментах, — ответил он густым гнусавым голосом и тут же, прищурившись, добавил: — А вы пили, кстати?..

— Ну-у... накатили слегка, — Даша кокетливо закатила глаза.

— Крутые... Мы тоже накатили, но вообще не слегка, — Брокен хрипло рассмеялся, и стоящие рядом девчонки послушно подхватили его смех.

— Ладно, погнали в центр, там сейчас начнется самое мясо! — скомандовала Слеза, и компания единым организмом двинулась вглубь зала.

Когда на сцене вспыхнула «Психея», толпу накрыло взрывной волной. Зал взревел, выплескивая накопленную агрессию и восторг. Вика лишь на секунду выпустила ладонь Даши, и её тут же подхватило, закутило и отшвырнуло в сторону...

Вокруг бесновались тела; в нос ударил резкий коктейль из дешевого парфюма, табачного дыма и пота. Вика растерянно уставилась на сцену, где музыканты в экстазе едва не падали в толпу. Страх и неловкость тонули в густом паре сотен тел, ритмично бьющихся друг об друга. Вспышки стробоскопов слепили, выхватывая из темноты искаженные восторгом лица...

— Ты классно двигаешься! Может, погуляем после?! — прилетел прямо Вике в ухо чей-то приятный мужской голос.

Она даже не успела обернуться, чтобы рассмотреть смельчака — очередная волна слэма бесцеремонно отшвырнула её к совершенно незнакомым людям.

— Ох, чёрт, да пофиг! — выдохнула она, чувствуя, как внутри развязывается какой-то тугой узел.

Только Вика начала танцевать — дергано, нескладно, в такт рваному ритму. Толпа, как огромный живой кисель, снова выплюнула её в другую часть зала, и Вика едва не врезалась в Дашу. Но подруга была уже не одна. Позади неё, по-хозяйски положив голову на плечо и обхватив за талию, пристроился Брокен. Даша, казалось, ничего не замечала, самозабвенно выкрикивая слова песни в потолок.

— Ах-ха-ха, ого! — крикнула Вика, указывая на них пальцем, но её голос бесследно растворился в грохоте гитар...

После концерта толпа выплеснулась из клуба, как раскаленная лава. Вика жадно хватала ртом ледяной воздух, который после душного зала казался колючим и нереально вкусным.

Вокруг творилось безумие: кто-то восторженно орал «*Полный улёт!*», а кто-то истошно, на всю улицу, выплескивал: «*Какое же это было мясо! Верните меня обратно! Прощу!*»

Вика долго стояла, прислонившись к холодной стене и утирая пот со лба. Тщательно наложенный Дашей макияж превратился в тёмную кашу. Наконец у выхода показалась и сама подруга. Она экспрессивно жестикулировала, о чем-то болтая с Брокеном, и заливисто смеялась на всю площадь.

— Дашка! Нашлась! — с облегчением крикнула Вика и бросилась к ней.

— Блин, Вика, а-а-а! Это было просто что-то с чем-то! — подруга буквально светилась изнутри.

— Для «Психеи» это стандарт, они всегда держат планку, — по-хозяйски вклинился Брокен, харкая на затоптанный снег.

Когда вся компания собралась, Слеза предложила «побродить»:

— Ну че, все за? После такого точно надо подышать... — Она вальяжно прикурила и первой зашагала в сторону сквера.

Тусовка растянулась по тротуару неформальной шеренгой. Каждый старался перекрыть соседа, взхлеб смакуя детали слэма.

— Да я не вру! — Печалька едва не задыхалась от смеха. — Там реально какой-то чел начал «Блейзером» блевать, прямо розовым таким, прикиньте? Его подняли и по рукам пустили, а он в полете продолжал... А-ха-ха!

— Да хорош гнать! — Слеза сощурилась, прикуривая уже третью сигарету подряд. — У тебя же на лице написано, что сочиняешь.

— Да правда! Клянусь челкой!

Вика слушала их, чувствуя странный прилив теплоты к этим странным ребятам...

— А я рядом с собой такой голос услышала, — поделилась она. — Показалось, будто познакомиться хотели, но меня сразу волной унесло...

— Ну, это неудивительно. Ты вон ничё такая, — бросил Брокен, окинув Вику липким оценивающим взглядом.

— Эй! А я?! — Даша тут же собственнически прижалась к его плечу.

— А ты, Антисердце — вообще самая красивая девочка в Москве. Ну, одна из точно, кхе-кхе... — Брокен ловко притянул её за талию.

Вика заметила, как остальные Слеза, Психозка и Печалька переглянулись — в их глазах мелькнула странная смесь иронии и жалости. Но идиллию прервала Хрупкая...

— Слушайте, там, походу, антифа с бритоголовыми рамсят... Вон, у арки. Валим, пока не накрыли...

— Блин, капец... Нигде покоя нет, — огрызнулась Слеза, поглубже натягивая шапку. — Короче по домам, чет сильно похолодало...

В метро выяснилось невероятное: им всем было по пути, а Брокен и вовсе жил на соседней станции. Этот факт окончательно вскружил Даше голову. Спустя сорок минут эмоциональных прощаний, подруги наконец остались вдвоем в полупустом вагоне. Вика смотрела на лучезарное лицо Даши, не сдерживая радостную улыбку.

— О Брокене думаешь?.. — негромко спросила Вика.

— Эх, да... Обидно, что он вышел.

— Ну ничего, на днюхе увидите!

— Ты же теперь не против, чтобы они пришли?..

— Конечно! С ними прикольно... — Вика застенчиво улыбнулась. — Думаю, отождем.

— Самое главное, что там будет он... Ох, Вик, он просто...

— Ну, такой... со своими приколами, — Вика подбирала слова осторожно. — Но главное, что тебе нравится.

— Просто поначалу он как-то не зацепил, но в слэме... Он так нежно держал меня, защищал от всех. Я просто в космос улетела! — Даша едва не подпрыгивала на сиденье.

— Моя ты хорошая, влюбилась!

— Ещё и в трушного... Мы идеальная пара.

Спустя полчаса они вынырнули в родном спальном районе. Тишина, редкие фонари и свежий запах зимней ночи. Подруги крепко обнялись у Дашеного подъезда и разошлись.

В лифте Вика почувствовала, как адски дрожат колени — адреналин уходил, оставляя пустоту. Дома стояла мёртвая тишина. Стараясь не шуметь, она смыла остатки «панды» с лица, закинула пахнущие клубом вещи в стиральную машинку и долго стояла под горячим душем, смывая с себя этот безумный день. Едва коснувшись подушки, Вика провалилась в сон, где всё ещё гремели гитары и мелькали чёрно-розовые тени...

Глава 6: Совсем близко

Запись от 11.02.2007:

Доброе воскресное утро... Вот я и побывала на своем первом концерте! Это было просто невероятно! Эмоции до сих пор не отпускают, а совсем скоро ещё и днюшка... Новые ребята, кстати, оказались вполне клёвыми. Мне кажется, мы уже немного подружились, и теперь я очень жду праздника... Хотя ладно, кого я обманываю? Его может спасти только одно — то самое новогоднее чудо. Но им всё ещё даже не пахнет. Между родителями будто стало ещё хуже. Я буду безумно рада, если появится хотя бы крошечный намек на то, что мое желание сбывается. Это был бы самый лучший подарок.

— Ты в такую рань в гараж?.. — голос Светланы Андреевны прозвучал резко, когда она увидела переодевающегося мужа.

— Ну да. Через час вернусь, я ненадолго, — ответил он сухо, не оборачиваясь.

— Ты уже две недели ходишь туда каждый день... Зачем?

— С машиной проблемы. Ещё и гараж дополнительно утепляю, морозы сама видишь какие.

— Ну да, действительно...

— А что такое? — Олег Викторович замер с курткой в руках. — Могу в магазин зайти на обратном пути.

— Да нет, ничего не надо.

— Как хочешь.

Он накинул куртку и ушел, как обычно не сказав ни слова на прощание. Светлана проводила его взглядом, в котором горел горький коктейль из обиды и едких сомнений.

Минутой ранее Вика, преодолевая слабость, застыла у двери своей комнаты, жадно впитывая каждое слово родителей. Она, как и мама, чувствовала: в этих «делах в гараже» прячется какая-то тайна...

В прошлую субботу отец пропал почти на весь день. Светлана Андреевна тогда не нашла себе места: то и дело выбегала курить на балкон, обкусывая ногти до крови. В какой-то момент она не выдержала и сама отправилась к гаражам.

Вика помнила, как мама вернулась — бледная, с опухшими глазами... Она долго и яростно стучала в железную дверь бокса, но ответом ей была лишь глухая бетонная тишина. Осознав бессмысленность своего порыва, Светлана разрыдалась прямо там, у холодного металла, колотя по нему кулаками, пока не заныли суставы. Ей мучительно хотелось выдрать правду из этого молчания. Но когда Олег вернулся, она не проронила ни звука. Слишком страшно было в очередной раз разбиться об этот айсберг. Пробоина в её сердце и так стала слишком большой — казалось, ещё одно слово, и её любовь окончательно поглотит бездна...

Вике было до боли жаль маму, но перед глазами всё равно стоял образ Светланы на балконе... с телефоном в руке и ласковым шепотом, предназначенным не отцу.

— Зайка, привет, можно? — Светлана тихо постучалась и вошла, не дожидаясь ответа.

— Да, мам, заходи...

— Ну как ты после концерта? — мама присела на край кровати, стараясь улыбаться.

— Классно... Только ноги гудят и синяк на ребрах откуда-то, — Вика невесело усмехнулась. — Даже не помню, как заработала.

— В таком угаре это неудивительно...

— Мам... а папа опять в гараж ушел?

Светлана Андреевна поджала губы, разглаживая складку на одеяле.

— Говорит, что да.

— А ты ему веришь?

— Ох... — мама отвела взгляд. — А почему ты спрашиваешь?

— Просто в прошлую субботу... Ты пришла заплаканная. Ты ведь ездила к нему?

— Какая ты у меня внимательная, — мама горько усмехнулась. — Да, ездила... Но его там не было.

— Да ладно?..

— Вот так вот... Не знаю, где он пропадает, Вик, но явно не в гараже.

Мама замолчала, глядя в окно. Вика смотрела на её опущенные плечи и с трудом сдерживала крик. *«Как она может требовать честности от отца, если сама поступает подло? Лучшие бы я ничего не слышала, не сидела возле этого долбаного балкона... Я просто хочу всё забыть...»*

— Зато скоро твой день рождения, — мама резко сменила тему. — Как праздновать будете?

— У Даши соберемся. Она своих друзей позовет.

— Ух ты... Они тоже из этих? Как их?..

— Ага, они тоже эмо. — коротко бросила Вика.

— Ну ладно, от моды не убежишь, — мама погладила дочь по ноге и с тяжелым вздохом вышла из комнаты.

У Вики окончательно села «батарейка»... Всё воскресенье она пролежала под одеялом, глядя в потолок...

Календарь замер на тринадцатом февраля. Утро было пропитано предвкушением. Подруги хранили подарки в строгом секрете. И если Даша уже вовсю намекала на что-то грандиозное, без чего «невозможна нормальная жизнь», то Вика разрывалась между пустым кошельком и желанием сделать что-то особенное.

В итоге она решила печь. Всю душу, всю свою сестринскую преданность Вика решила вложить в торт. Найдя в маминой поваренной книге рецепт «Черепашки» — любимого торта Даши, под бормотание телевизора девочка приступила к магии... Кондитерский дебют удался: Вика украсила свой шедевр чёрно-розовой глазурью, а в центре вывела мастикой мордочку Китти Уайт.

Вечером в замке легонько повернулся ключ.

— Зайка... Какая красота! — Светлана Андреевна искренне восхитилась, заглянув в холодильник. — Сама сделала?

— Да. Надеюсь, Даше понравится.

— Конечно понравится, ты же чудо у меня!

Спустя час вернулся и отец. Вика услышала шум на кухне, отложила журнал «Дом-2» и неторопливо вышла. Олег Викторович стоял у открытого холодильника...

— Это что за шедевр? Вик, твоя работа?

— Ну да... Подарок Даше.

— Очень красиво, — отец посмотрел на Вику с нескрываемой гордостью. — Ты большая молодец. Приготовишь мне такой же на день рождения?

Его искренняя прямодушная просьба ударила Вику в самое сердце... На мгновение реальность будто сдвинулась, возвращая её в то самое детство, о котором она грезила.

— Хах... да, конечно, пап! Ты правда хочешь?!

— Правда хочу.

— Ну, я тогда тебе без этого чёрно-розового сделаю, — Вика улыбнулась.

— Эх, а жаль! Выглядит-то неплохо! — Олег усмехнулся.

Внутри у Вики всё расцвело. Она рванулась к отцу и крепко прижалась к его рубашке, на которой было множество белых волосков. Олег не отстранился — он обнял дочь в ответ, надежно и крепко. В этот момент все её подозрения улетучились. Было просто тепло...

Олег смотрел поверх головы дочери в тёмный коридор. Там стояла Света. Она молча наблюдала за этой сценой. Встретившись с ним взглядом, она обмерла: в этих голубых глазах она вдруг увидела того самого Олега... У Светланы задрожали губы. Она резко развернулась и почти сбежала в спальню, не в силах вынести этой внезапной вспышки чувств...

Олег зашел в спальню только поздно ночью. Думая, что жена спит, он осторожно лег рядом и нежно обнял её со спины... Муж уснул почти мгновенно, а Светлана так и пролежала неподвижно несколько часов. Она боялась шевельнуться, чтобы не спугнуть его руку, а на белоснежной наволочке расплывалось тёмное мокрое пятно от бесшумных слез...

Глава 7: Осень. 1983

Раннее утро четырнадцатого февраля началось с ослепительного зимнего солнца. Когда прозвенел будильник, Светлана, спавшая всего три часа, распахнула глаза с необычайной легкостью. Давнее, почти забытое чувство предвкушения чего-то хорошего заставило её сразу подняться с постели. Но место рядом с ней было пустым.

На часах шесть. Света планировала встать пораньше, чтобы успеть надуть шары и приготовить праздничный завтрак для дочери... Но куда делся Олег?

Из гостиной донеслись странные звуки — тонкий, едва различимый писк. Накинув халат, Светлана в мягких тапочках прокралась к двери. Заглянув в комнату, она не поверила своим глазам... Олег сидел на диване в окружении охапки разноцветных шаров и завороченно смотрел на свою ладонь. Там, уютно свернувшись в огромной мужской руке, копошился крошечный белоснежный котенок...

— Олег?.. — Светлана растерянно улыбнулась, ущипнув себя за руку. — Что это?..

— Доброе утро, — он поднял голову, и в его взгляде впервые за долгое время не было привычного свинца. — Вот, сидим тут с мелким. До этого шары для Вики дул. Смотри, Свет, как он палец грызет! Ха-хах!..

Котенок и правда смешно нападал на его мизинец, заваливаясь на пушистый бок.

— Тебя что, подменили?.. — прошептала она, подходя ближе. — Кто ты? Где мой муж?!

— Ты чего, мать, с ума сошла? — Олег немного криво усмехнулся.

— Точно?.. Я не сплю?

— Не спишь. Если не веришь — ущипни себя, точно убедишься.

— Да я уже... — Светлана опустила на диван рядом. Сердце предательски заколотилось, а к горлу подкатил ком. — Олег... милый... Откуда у тебя этот малыш?

— У гаража нашел. Совсем кроха, в сугробе валялся. Его и заметить-то было нельзя... но я почему-то заметил. Помнишь я говорил, осенью там кошка терлась, белая такая? Я её понемногу подкармливал, она привыкла, а потом пропала. Видимо, это её малый. Хорошо, что я гараж утеплил — там его и спрятал. Сначала не знал, куда деть, а потом вспомнил, как Вика в детстве просила именно белого котенка... Помнишь?

Света кивнула, не в силах вымолвить ни слова.

— Ну вот. Подумал, вы захотите, чтобы он жил с нами. Пришлось партизанить до праздника. Я ему там всё обустроил, даже обогреватель поставил, чтобы не мерз.

— Так вот... почему ты постоянно пропадал там?..

— Угу.

— А я к тебе в субботу приходила... Тебя не было.

Олег виновато отвел глаза.

— В субботу мы к ветеринару ездили. Обследования, прививки... А когда вернулись, я просто... просто засиделся с ним. Заигрался, о времени забыл.

— Олег... Я и не думала, что ты ещё способен на...

— На что?

— На нежность... Ты не представляешь, как нам с Викой этого не хватало. Ты ведь был как неживой, столько лет...

Олег осторожно переложил котенка на подушку. Его лицо внезапно осунулось, став серым.

— Я понимаю. Только не считай меня психом, но я... я к врачу ходил. К пси... психиатру, в общем.

Светлана не знала как реагировать, боясь спугнуть нахлынувшее на мужа откровение.

— Больше не мог так, Света. Не мог... Думал, что всё это — моё заслуженное наказание. Считал, что тебе нужен другой муж, не такой поломанный, как я... Но и отпустить тебя не получалось. Даже когда ты просто рядом сидишь, мне хочется жить, но я... я не могу быть счастливым. Не могу заставить себя после всего, что было...

Олег закрыл лицо руками, его широкие плечи мелко задрожали. В тишине комнаты раздался первый, тяжелый всхлип. Айсберг начал таять, захлебываясь собственными слезами.

— Олечка... Ну ты чего... Я здесь, я рядом, — Светлана прильнула к нему, обнимая так крепко, словно пыталась согреть своим телом.

В этот миг всё исчезло: и холодные годы молчания, и обиды. Она снова была той самой Светой, которая впервые встретила своего Олега сентябрьским вечером далекого восьмидесяти третьего года... И этот вечер был совсем близко — стоило только закрыть глаза.

Сентябрь догорал в серой дымке моросящего дождя. По влажному, пахнущему прелью ковру из жёлто-оранжевой листвы неспешно шёл Олег Лазарев — студент второго курса «инженерки». Поднятый воротник штормовки не спасал от сырости, но он её и не замечал. Внешне Олег казался воплощением спокойствия, однако за этой невозмутимостью бушевал настоящий шторм... Сегодняшний вечер должен был стать пограничной чертой: его группе предстояло отыграть свой первый квартирник.

Зерно этой страсти было брошено в почву ещё пару лет назад, в Ленинграде. Тогда Олег волею случая оказался на подпольном концерте Майка Науменко. В тесной, окутанной сигаретным дымом комнате, под хриплый аккомпанемент расстроенной акустики, он впервые вдохнул запах свободы. Та эйфория — гулкая, пахнущая питерскими подворотнями и винилом — плотным осадком заполнила его сердце...

Вернувшись домой, он уже не мог жить как прежде. В институте судьба быстро свела его с Колей Соколовым и Али Берсакаевым — такими же «больными» мечтой... Весь первый курс они провели в поисках своего звука, переписывая друг другу кассеты и до мозолей стирая пальцы о жесткие струны. К началу второго года парни наконец почувствовали ту самую искру.

На фоне сверстников Олег выглядел инородно, словно сошел с обложки дефицитной заграничной пластинки. Подтянутый, широкоплечий, с копной выгоревших до белизны волос, он притягивал взгляды какой-то «породистой» статью. В его лице читалась странная смесь: мужская жесткость скул спорила с обезоруживающей детской искренностью голубых глаз.

Едва переступив порог института, Олега встретил Али. Тот выглядел необычайно возбужденным.

— Ну что, зажжем сегодня у Коляна? — друг едва не подпрыгивал на месте: его буквально распирало от предвкушения.

— Надеюсь... — Олег не мог скрыть ответного трепета.

— Народу будет прилично, Колян об этом позаботился.

— Да? И как же?

— Ну, знаешь... — Али заговорщицки подмигнул. — Девчонкам из нашего политеха достаточно того, что на сцене будешь ты, друг. Говорят, в основном первокурсницы придут.

— Да уж... — Олег смущенно качнул светлой головой. — Главное теперь не облажаться. Перед девчонками будет особенно неловко...

Чтобы выглядеть по-настоящему круто, Олегу пришлось ещё неделю назад изрядно побродить по «барахолке» в поисках дефицитных шмоток.

Именно там он увидел её...

Девушка стояла у лавки с грампластинками, задумчиво затягиваясь сигаретой. В этот миг мир сузился всего-лишь до одной точки... Незнакомка казалась воплощением его личного

идеала: миниатюрная, с безупречной осанкой и стильным каре — тёмно-русые волосы мягко подчеркивали тонкие, кукольные черты лица. Но больше всего поразил наряд, столь далекий от советского однообразия: дерзкая джинсовка, строгие чёрные брюки и тяжелые кожаные ботинки.

«Ну какая... смотри-ка...» — не мог оторвать свой взгляд юноша. Раньше ни одной девушке не удавалось вызвать в нём подобный вихрь. В голове набатом забилося: «Вот она... она — да». Но решимость мгновенно испарилась, стоило заметить рядом с ней шумную компанию подруг...

Испугавшись собственной неловкости под прицелом чужих взглядов, Олег заставил себя пройти мимо. «Тьфу блин, ну как так... неужели просто так пройду?..» — досада на самого себя жгла изнутри, но он всё равно продолжал движение, не в силах вымолвить даже простое «привет». Он прошел в считанных сантиметрах от неё, чувствуя кожей её присутствие, но так и не решился повернуть голову. Сбивающее с ног ощущение, как будто прямо сейчас он совершает роковую ошибку, не отпускало его до самого вечера...

Перед тем как отправиться к Коле, Олег по привычке съел тарелку маминых щей. Галина Ивановна молча наблюдала за сыном, замечая его натянутость.

— Из-за выступления переживаешь, сынок? — она мягко накрыла его ладонь своей.

— Наверное... Просто там будет много людей, мам.

— Ну, раз уж решил стать артистом, этот страх придется перешагнуть.

— Я понимаю... Но в первый раз, думаю, без страха никуда.

— Всё будет хорошо, даже не сомневайся.

В разгар разговора на кухню зашел отец... Виктор Олегович — инженер пятого разряда, отдавший заводу всю жизнь, — не разделял творческих порывов сына.

— Лучше бы учебе себя так посвящал, пользы было бы больше, — глухо произнёс он, ставя чайник на конфорку.

— Пап, ну ты чего? Я же говорил, у меня к этому душа лежит...

— Душа у него лежит... — проворчал отец, и ворчание внезапно перешло в тяжелый, мучительный кашель.

— Ну куда ты встал? Иди, ложись скорее! — засуетилась Галина Ивановна, сочувственно поглаживая мужа по сгорбленной спине.

Олег с тревогой смотрел на отца. В последнее время тот кашлял всё чаще, а любая фраза давалась ему с одышкой. Виктор Олегович всегда был для него непререкаемым авторитетом. Именно из уважения к нему Олег выбрал путь инженера, но музыка — эта стихийная любовь — уже начала вытеснять из сердца старые цели.

Попрощавшись, Олег не спеша отправился к Коле. Музыканты собрались почти одновременно. Началась суматошная настройка инструментов и финальный прогон. За лето им удалось написать всего три песни, но в каждую они вложили столько искренности, что казалось — у этих мелодий есть собственная живая душа...

Постепенно в квартиру начали подтягиваться гости. В основном это были девушки — многие пришли в одиночку, рассчитывая привлечь внимание красавца-фронтмена. Заканчивая настройку, Олег вдруг замер: в дверном проеме показалась та самая компания с рынка. И она... она была среди них.

Олег поспешил к Коле Соколову, принимавшему гостей, и вполголоса расспросил о незнакомках. Коля, довольно ухмыльнувшись, пояснил, что пригласил почти всю группу первокурсниц из их политеха.

«Как же я не замечал её раньше?..» — пронеслось в голове. Вместе с ликующим приливом счастья пришло и новое, почти паническое волнение.

Наконец, когда в комнате стало не протолкнуться от запаха сигаретного дыма, группа начала выступление. Олег изо всех сил старался не смотреть в сторону «девушки с каре». Однако, доходя до самых надрывных, честных строк, он физически не мог направить взгляд куда-либо ещё — только на неё... Она не могла этого не заметить. Её большие глаза, казавшиеся в полумраке квартиры бездонными, были прикованы к нему.

В тесноте советской квартиры установился очень ламповый микроклимат. В этот час яростная самоотдача парней и искренний шепот публики слились воедино...

Когда гости разошлись, в комнате повисла звенящая тишина. Олег сидел в старом кресле и бесцельно перебирал струны, извлекая из гитары обрывки мелодий.

— Ну чего ты сидишь такой пришибленный, а? — Али подошел со спины и хлопнул товарища по плечу.

— Не знаю... Всё закончилось.

— Ну так ты вставай и иди!

— Куда? — Олег поднял на друга удивленный взгляд.

— За той зеленоглазой! Я же видел, как вы друг на друга смотрели. Дуй за ней, пока она далеко не ушла! — Али буквально вытолкнул друга из кресла, забирая гитару.

Олег осознал: возможно лучшего шанса уже не будет.

— Да... да, спасибо брат!

Он бросился вниз по лестнице, перепрыгивая через ступеньки. Вылетев из подъезда, он замер. Девушка стояла одна под козырьком и курила, глядя на мокрый асфальт. Увидев Олега, она заметно растерялась и тут же отправила окурок в урну...

— А ты чего так... внезапно? — она поправила каре, ладонью отгоняя сизый дым.

— Да я просто... Фух, — Олег пытался отдышаться. — Не уверен, знаешь ли ты, но я видел тебя раньше.

— И где же? В институте? — она чуть склонила голову набок.

— Нет. На рынке, у «Северянина». Ты стояла у лавки с пластинками, а я побоялся подойти. Даже не знал, что мы из одного с тобой... Ты такая красивая, что тебя невозможно забыть...

Света на мгновение отвела взгляд, и на её губах появилась слабая улыбка.

— Знаешь, это может прозвучать глупо, но я почему-то так и подумала: это не конец... Когда наши взгляды встретились там, в комнате... что-то не дало мне просто уйти. И я тоже хочу сказать... ты очень красиво пел. И ты... — она замялась, — тоже очень красивый...

Олег перестал бороться с ответной улыбкой.

— Я Олег.

— А я Света...

— Тебе подходит это имя, — тихо произнёс он, глядя на то, как свет фонаря дрожит в её глазах.

— Спасибо...

— У ночного района сейчас такая атмосфера, — он кивнул в сторону засыпающих улиц. — Прогуляемся? Воздух после дождя невероятный.

— Можно, но я боюсь опоздать в общагу... — засомневалась она.

— А ты не бойся. Если не успеем — договоримся. Я тетю Валю на вахте знаю, — Олег подмигнул.

— Ну, раз так...

Именно с этой встречи запустилась их история... — время, расцвеченное красками первой, самой острой любви. Неловкость быстро сменилась доверием, а доверие — нежностью. Месяцы сплетались в годы, и прежняя мечта Олега о рок-сцене незаметно уступила место новой, более земной: защитить ту, что стала его смыслом.

Светлана вошла в семью Лазаревых легко, словно всегда была её частью. Галина Ивановна и Виктор Олегович приняли выбор сына сразу: в этой тонкой девушке они почувствовали ту самую опору, которая была так нужна их Олегу. Родители Светы из далёких Чебоксар тоже благословили молодой союз. Во время первого визита Олег на удивление быстро нашёл общий язык с будущим тестем — в его суровом характере он разглядел черты собственного отца, который на глазах у всех начал «увядать»...

Видя, как слабеет отец, Олег принял своё первое взрослое решение. После тяжёлого разговора с Виктором Олеговичем он пообещал оставить музыку... Это было не просто обещание, а сделка с совестью: призрачные мечты о рок-сцене в обмен на диплом инженера и статус надёжной опоры. Света поддержала его, готовая на всё, лишь бы любимый чувствовал почву под ногами.

Олег ушёл из группы. Для Коли Соколова это стало личным предательством — он в лицо обвинил друга в заурядности и трусости, навсегда оборвав связи. Лишь верный Али остался рядом, приняв выбор товарища без лишних слов.

Со временем любовь Олега и Светы ещё больше окрепла и созрела для главного шага... На предложение руки и сердца Света, не колеблясь, ответила «да». Но над их хрупким счастьем уже сгустились тени, на которые они не могли повлиять...

Огромная страна, казавшаяся нерушимым монолитом, давала первые трещины. Вместе с ней угасал и Виктор Олегович. Мужчина слабел с каждым месяцем, пока болезнь окончательно не вырвала его из цехов родного завода. Галина Ивановна безропотно несла бремя ухода за мужем, становясь его главной поддержкой.

Будущее всё ещё казалось Олегу если не безоблачным, то преодолимым. Получив диплом, он сумел обзавестись собственным жильём и перевёз туда Светлану. Олег отчаянно верил, что отец поправится, что скоро в их доме зазвучит детский смех, а жизнь наконец войдёт в счастливое русло... Но судьба распорядилась иначе.

В день отъезда Олег пообещал вернуться во что бы то ни стало. Он заклинал жену и мать, что всё будет хорошо, пряча за натянутой улыбкой собственный страх. Галина Ивановна не скрывала горьких слёз, Светлана же провожала мужа стоически, с застывшим, почти каменным лицом. И лишь заперевав за ним дверь, она сползла по стене, давая волю душераздирающему плачу в пустой квартире...

Единственной опорой для Олега теперь стала вера. В редкие минуты затишья он закрывал глаза и представлял, как снова целует жену, обнимает мать и видит отца — крепким, здоровым, не кашляющим. Смирение стало его главным испытанием.

Шёл 1987 год. Впереди ждал Афганистан.

Глава 8: Грубые шрамы

Проведя в тех чужих, выжженных солнцем краях больше года, Олег вернулся. Он выжил, но на пороге родного дома ждала иная беда. Встретившая его Света казалась лишь собственной тенью — из неё словно выкачали все жизненные силы. Рядом стояла мать, чьи плечи под бременем вдовства безнадежно поникли.

— А отец... он здоров? — монотонно, почти безжизненно спросил Олег.

Вместо ответа Галина Ивановна зашлась в надрывном плаче. В тишине кухни, прежде пахнувшей домашним уютom, этот ответ ударил Олега сильнее любого осколка. Виктор Олегович не дождался. До самого последнего вздоха он воскрешал в памяти образ сына, заклиная его вернуться.

— Больно... как же больно... — это всё, что смог выдать Олег.

— Главное, он верил! Верил до последнего, сынок! — рыдала мать, судорожно сжимая его в объятиях, будто боясь, что он снова исчезнет.

Благодаря поддержке близких тело Олега постепенно восстановилось. Но то, что было запрятано глубоко внутри, по его собственному горькому убеждению, восстановлению не подлежало... Фундамент его жизни — любовь, музыка, вера в завтрашний день — превратился в пепел за этот крошечный, по меркам вечности, срок. В душе воцарилась выжженная пустыня, такая же безмолвная, как горы, оставшиеся позади.

Олег стал хранителем тайн, от которых стыла кровь. Он твердо знал: никто, кроме тех, кто прошел с ним через пекло, не должен знать о пережитом. Его тело превратилось в грубую карту боли: ороговевшие шрамы пролегали по коже мёртвыми бороздами, напоминая овраги на иссохшей земле. Света изо всех сил старалась скрыть ужас, но даже её случайный взгляд отдавался в Олеге жгучей фантомной болью.

— Любимый, пожалуйста... перестань на них смотреть, — тихо умоляла она, видя, как он минутами замирает у зеркала в тяжелом оцепенении.

— Почему я должен перестать? — отвечал он голосом, таким же зарубцевавшимся, как его кожа. — Это часть меня. Моя плоть.

Олег неустанно боролся с последствиями Афгана и чувством вины перед отцом, которое разъедало его изнутри. Света надеялась, что, когда уйдёт физическая боль, он усмирит и душевную, но та лишь глубже пускала корни.

Для всех прочих Олег казался просто молчаливым, «нормальным» мужчиной. Лишь в кругу семьи было видно, что эта нормальность — всего лишь маска, скрывающая обломки. С ним стало невозможно говорить: слова вязли в пустоте. Он экономил каждое движение, каждый звук. Даже моргал пугающе редко, подобно каменному изваянию. По ночам Олег подолгу шептал что-то в темноту, не в силах заснуть. Часто приходилось наматывать тысячи шагов по квартире.

— О чём ты думаешь? — спрашивала Света, заставая его в этих ночных бдениях.

— Это пройдет... — глухо отвечал он, не глядя на жену. — Просто навалилось. Иди спать.

Вопреки надлому, Олег вернулся в профессию — на тот самый завод, где трудился отец. Также он возвел вокруг себя невидимые бастионы, за которые пропускал только «ближний круг»: родных, боевых товарищей и лучшего друга — Али Берсакаева, вместе с его семьёй. Они стали частыми гостями в доме Лазаревых, а их дружба продолжалась вплоть до 1997 года... В котором жизнь Али трагически оборвалась. После пережитого ужаса его овдовевшая жена

вместе с детьми переехала в Санкт-Петербург, а Олег потерял последнее зеркало, в котором он ещё отражался живым и несломленным...

Светлана продолжала жить вопреки всему, питаясь теплом воспоминаний. Она отчаянно искала в муже того самого обаятельного юношу с гитарой, покоровшего её сердце...

— Любимый... Сыграй мне, прошу тебя... — в очередную годовщину их знакомства, взмолилась Света.

— Я не хочу, — Олег неподвижно уставился в экран телевизора.

— Ну пожалуйста... Хотя бы одну мелодию...

— Зачем? Это всё в прошлом. И пальцы у меня теперь... не те.

Он так и не взглянул на неё. Света ушла в спальню, задыхаясь от безмолвного крика... Но именно в этой бездне родилась безумная мысль: *«Может быть, только подарив новую жизнь,... ты наконец-то сам почувствуешь себя живым?»*.

— Ты ведь несерьезно? — Олег помрачнел, услышав её предложение, на следующий день после годовщины.

— Давай просто попробуем... Мы ведь хотели детей, помнишь? Если родится мальчик, назовем Виктором. В честь твоего отца...

— Отец так и не увидит внуков... — Олег снова отвел взгляд, спрятавшись от жены за безжизненным мерцанием телевизора.

— Разве ты не чувствуешь?.. Мне кажется, он где-то рядом. Просто поверь в это...

— Если там что-то и есть, — голос Олега стал жестким, — то меня ждут лишь вечные муки.

— Не смей так говорить! Прошу... — Света не выдержала, слезы покатались по щекам. Олег замолчал. Потом неловко, словно заново учась нежности, взял любимую за руку...

— Прости меня.

— Я так люблю тебя... Ты ведь согласен?

— Я согласен с тем, что люблю тебя.

Когда Света узнала, что беременна, мир снова начал обретать краски... Появилась та самая надежда — хрупкая, как первый подснежник.

В 1991 году, в День всех влюбленных, на свет появилась Виктория...

Глава 9: Поймать чудо

Пока родители были вдвоем, успела проснуться и именинница... Открыв глаза, Вика тут же восторженно ахнула: всё пространство комнаты заполнили разноцветные шары. Спрыгнув с кровати, она босиком поспешила в гостиную, где её уже ждало настоящее чудо...

— Мам?.. Пап?..

Родители стояли в обнимку — невероятный, почти мифический кадр из альтернативной реальности. В глазах у обоих блестели слезы, а в руках у отца белел крошечный живой комочек...

— С днем рождения, зайка! — Светлана первой нарушила тишину, улыбаясь сквозь нахлынувшие чувства.

— С днем рождения, дочка, — негромко повторил отец. В его огромных ладонях неловко ворочался и попискивал белоснежный котёнок.

— Мама, что это?.. То есть, кто это у папы?..

— А это наш папа чудеса творит, — Светлана ласково прижалась к плечу мужа. — Ты ведь помнишь, как в детстве мечтала о котёнке?..

— Да... помню...

— Тогда ты была совсем малышкой, а теперь — взрослая, ответственная. Как он тебе? — Олег шагнул навстречу и бережно поднес малыша к лицу дочери.

Пушистая прелесть сразу ткнулось Вике в нос холодным пяточком.

— Хах, хорший... Пап! Мам! Я вас так сильно люблю!..

Вика по-детски расчувствовалась и обняла обоих родителей сразу, пытаясь соединить в одно целое, срастить этот надломленный мир своим восторгом. Впервые за долгие годы Лазаревы почувствовали себя не просто людьми под одной крышей...

— А почему всё-таки Пушистус? — спросила чуть позже мама, когда первый восторг улегся и котёнок получил своё странное имя.

— Ну он такой пушистый и серьёзенький, хах... — Вика прижала питомца к щеке. — Мне кажется, оно ему идет. Папа, а ты его как-нибудь называл?

— Снежком кликал, пока из гаража нес, — Олег тепло усмехнулся, вкратце пересказав историю спасения из сугроба.

Праздничный завтрак прошел в непривычном оживлении. К семи утра солнце окончательно пробилось сквозь облака, заливая кухню ярким, почти весенним светом.

— Мы тогда вечером вдвоем отметим? — Олег многозначительно взглянул на жену.

— Ну да, как и в прошлом году.

— Ну, разве в прошлом году мы праздновали? Так, чаю попили... В этот раз надо отметить как следует.

Вика внимательно наблюдала за ними: то, что ещё вчера казалось невозможным, обернулось явью... Она сделала глоток любимого чёрного кофе, и вкус его вдруг показался иным — совсем не таким горьким, как обычно.

— Ой, ну как же я!.. Подождите минуту! — Светлана вдруг спохватилась и, сияя, убежала в спальню.

— Что это с ней? — Олег переглянулся с дочерью, не скрывая доброй улыбки.

— Сейчас выясним...

Мама вернулась с объемистым свертком в яркой бумаге.

— Ещё раз с днём рождения, доченька! Будь счастливой, здоровой и, самое главное... умной!

— Ой, мама... Спасибо! — Вика с любопытством приняла подарок. — Пап, а ты знаешь, что там?!

— Если честно, мне и самому любопытно.

Под оберткой оказалась внушительная энциклопедия — тяжеленный том почти в тысячу страниц.

— Ну, теперь я точно буду самой умной! — Вика рассмеялась и, вскочив со стула, крепко расцеловала маму.

Идиллию нарушил бодрый рингтон. На экране мобильного высветилось: «Дашка эмочка».

— С днём рождения, соня! — прокричала подруга так громко, что Вика невольно отстранила телефон от уха.

— И тебя с днём рождения, хах! Но почему соня?..

— Да не в имени дело! Спишь просто долго! Ты почему ещё не вышла?! Посмотри в окно!

Вика прильнула к стеклу. Там, на девственно чистом снегу во дворе, красовалась огромная, вытопанная ногами надпись: «С ДНЁМ РОЖДЕНИЯ!». Рядом, подпрыгивая от холода и энергично размахивая руками, стояла Даша в своей фиолетовой куртке в чёрную клетку.

— Да ну тебя! — Вика рассмеялась, чувствуя, как к горлу подкатывает комочек нежности. — Ты вообще лучшая...

— Давай быстрее, тут нифига не май месяц! У меня уже ноги отваливаются!

— Всё, выбегаю!

Вика вихрем пронеслась по квартире: чмокнула Пушистуса в мокрый носик, в последний раз обняла родителей и выскочила в подъезд.

Когда дверь закрылась, Олег и Света ещё какое-то время обсуждали, куда пристроить кошачью лежанку, но в итоге решили отложить хлопоты. Перед работой им обоим отчаянно хотелось провести ещё немного времени в тишине — там, где мир наконец-то казался правильным...

У подъезда Даша встретила именинницу коротким, но крепким объятием. Девочки тут же поспешили в сторону школы, пытаясь согреться на ходу.

— Ну чего ты так долго?! — Даша сморщила нос, пряча подбородок в шарф. — Я пока тебя ждала, кажется, в ледышку превратилась, блин...

— Прости, — выдохнула Вика, пуская облачко пара. — Просто сегодня утром произошло что-то... вообще нереальное.

— Опять предки?..

— Да, но в хорошем смысле. Не знаю, что случилось, но папу будто молния ударила. Он стал таким... настоящим. Живым...

— Да ладно?! — Даша резко затормозила, широко распахнув глаза. — Вик, поздравляю! Считаю, жизнь сделала тебе главный подарок.

— Хочется верить, что это не «демка» на один день, — Вика задумчиво посмотрела под ноги, где хрустел свежий наст. — Но я пока осторожничаю... Кстати, хочешь узнать, что мне подарили?

— Нет, блин, не хочу! Конечно, выкладывай!

— Мама — энциклопедию, а папа... котёнка!

— Вау! Seriously?!

— Прикинь! Белый, пушистый, крошечный... Мечта из детства.

— А мне мой просто денег дал, — Даша вздохнула, но тут же оживилась. — Думаю с тобой и Брокеном в секунд сгонять, присмотреть шмоток.

— У-у, с Брокеном... У вас уже всё серьезно? Любовь-морковь?

— Ой, не знаю... Но мы сейчас столько чатимся... Он обещал сегодня подарить что-то мега-офигенное.

— Как и ты мне, между прочим, — напомнила Вика.

— А вот увидишь! Всему свое время, — Даша шутливо погрозила кулаком. — А ты как думаешь... что Брокен приготовил? Если это будет розовый Razr V3... Я просто кони двину от счастья!

— Ты только не фантазируй раньше времени, — Вика задорно прыснула в кулак. — А то вдруг для него «мега-офигенно» — это бутылка «Блейзера», смешанная с его же слезами.

— Ну тебя! — Даша звонко расхохоталась, и этот смех окончательно прогнал остатки утренней тревоги.

Школьный кабинет встретил именинниц полным безразличием. Лишь Денис Осипов, завидев подруг, оторвался от стула и направился к ним в своей обычной разболтанной манере.

— Опаньки, группа «t.A.T.u» в сборе! — пробасил он вместо приветствия.

— Хай, Осипов... Ну, в сборе, и чего? — Даша вальяжно бросила сумку на парту, всем видом показывая раздражение.

— С днюхой вас, вот чего... Концерт-то в честь праздника намечается?

— Спасибо, Денчик, — Вика мягко улыбнулась и в шутку протянула ему руку.

Денис застыл на секунду, а потом нарочито брезгливо пожал самые кончики её пальцев.

— Пхах, ну ты и придурок, Осипов... Но спасибо, — Даша тоже оценила неловкое поздравление одноклассника и по-хозяйски потрепала его по стриженному затылку...

— Эу! Руки не распускай! — Денис картинно отпрянул, приглаживая «ёжик» волос.

— Как скажешь. Но когда приведёшь домой девушку, постарайся так не орать, а то ой как обломаешься...

— Ха-ха, сам разберусь... Ну а вы-то как праздновать собираетесь?

— Точно без тебя, лысый, так что не раскатывай губу.

— Ой-ой, напугала... Зная вас, там наверняка соберутся одни соплежуи, так что больно надо!

— Какие соплежуи? Тебя же не пригласили, — подмигнула ему Даша, доставая учебник.

— Да иди ты! — огрызнулся Денис и, не найдя лучшего аргумента, запустил в неё ластиком.

— В именинницу — ластиком?! Не по-мужски, Осипов! — Даша ловко перехватила «снаряд» и тут же запустила его обратно.

Вике, наблюдавшей за этой вечной перепалкой, оставалось только беззвучно смеяться, чувствуя, как школьные будни окончательно вступают в свои права.

Когда девочки расположились на своей любимой задней парте, разговор сам собой перетёк к планам на вечер. Они принялись составлять импровизированное меню, когда дверь кабинета распахнулась и вошёл Лёня Горбунков. В руках он бережно, словно хрустальную вазу, нёс два букета. Его путь через класс сопровождался едкими смешками — все знали, что Лёня безнадежно влюблен в Лазареву...

— Вика, Даша... Поздравляю! Это вам, — он любезно протянул цветы. Самый пышный, букет само собой, предназначался Вике.

— Ох, Лёнька, спасибо огромное! — Вика просияла от самого сердца, принимая подарок. — Какой красивый... А пахнет как!

— Да, Лёнь, ты супер! — Даша была также искренне удивлена и польщена.

Девочки по очереди обняли одноклассника. После этого Лёня уже не мог и не хотел скрывать свою добрую, почти светящуюся улыбку... Горбунков постоял рядом ещё мгновение, неловко теребя край кофты, а потом, залившись густой краской, поспешил к своему месту.

— Какой же он все-таки милый, — Вика коснулась лепестков. — Вова бы так ни за что не постарался...

— Это уж точно, — Даша презрительно поморщилась при упоминании Галанцева. — Хорошо, что Вовы нет, а то от одной его физиономии блевать тянет...

— И Ани не видно... Опять прогуливают вдвоем наверное...

— Не думай о них, Вик...

— Да, конечно не буду...

— Слушай, а может, после этого урока — сразу домой?

— Даже не знаю...

— Ну ты ведь не хочешь, чтобы такая красота завяла в школьной духоте? Тем более сегодня ничего важного не будет.

— Ну... ну ладно. Убедила. Пойдем.

— А Лёнька кстати молодец... Ты бы присмотрелась к нему.

Ахах, Даш, ну ты чего?! Он же просто друг!

Застенчивый Лёня, к своему несчастью, был бесконечно далёк от того образа, который Вика рисовала в своих мечтах. Его внешность казалась ей набором досадных изъянов: невысокий рост, сутулость, мягкий лишний вес, жёсткие, словно выгоревшая солома, чёрные волосы, в которых уже пробивалась ранняя седина... Но стоило ему заговорить, как всё это отходило на второй план. У Лёни было удивительно открытое лицо: глубокие ямочки на щеках и та самая обезоруживающая, добродушная улыбка, которой невозможно было не улыбнуться в ответ.

Вика искренне ценила его — с ним было тепло и уютно молчать. Горбунков оставался для неё «светлым человеком», но сердце упрямо хранило верность другому идеалу, не оставляя Лёне ни единого шанса...

Сразу после первого урока девочки, ни у кого не отпрашиваясь, поспешили к выходу. Свобода встретила их морозным воздухом и приятной тяжестью букетов в руках.

— Слушай, Даш, тогда до вечера у меня посидим? — поинтересовалась Вика, когда школьные стены остались позади.

— Думаю, да, давай у тебя. Как раз с твоим мелким познакомлюсь.

— О-о, точно! Он тебе точно понравится, вот увидишь.

Спустя пятнадцать минут замок в квартире Лазаревых щелкнул. Вика первой юркнула в прихожую и тут же принялась звать Пушистуса. Малыш нашелся не сразу — он мирно сопел на родительской кровати, свернувшись крошечным белым облачком.

— Даш, ты только погляди, как он спит... — шепотом позвала подругу Вика.

— Какая киса, боже мой... — Даша затаила дыхание. — Такой маленький и нежный... Я бы его прямо сейчас затискала, честное слово!

— Пусть сопит, скоро сам проснется.

Началось томительное ожидание вечера. Девочки расставили цветы в вазы, посмотрели блок мультфильмов на «СТС» и лениво полистали журналы. Позже пожарили на обед пельмени, то и дело отвлекаясь на проснувшегося котенка. Пушистус всего за пару часов успел привязаться к госте, а за хозяйкой следовал буквально по пятам, радостно носясь по квартире и не умолкая ни на минуту.

Ближе к вечеру Вика перевела взгляд на часы — пора было решать, когда идти в магазин за всем необходимым:

— Даш, а за продуктами когда?..

— Сейчас ко мне двинем, папа уже должен был уйти. Я там как раз подкрашусь, а потом встретим ребят и вместе в магаз пойдем.

— А не поздно будет? Они же только к десяти придут.

— Да нормально. Тем более нам Слеза нужна, без неё алкашку точно не продадут.

— А ты что вообще брать планируешь? — осторожно спросила Вика.

— Не знаю даже, наверное на месте решу. Я точно хочу коктейли намутить, а там...

Посмотрим, короче. Давай собираться.

Перед выходом Вика бережно упаковала подарочный торт, пока Даша напоследок ласкала котенка в коридоре. На прощание девочки поцеловали малыша в тёплую макушку и отправились по давно изученному маршруту — из одной квартиры в другую.

Закрывая дверь, Вика на мгновение задержала взгляд на грустной мордочке своего маленького друга. *«Я бы очень хотела провести весь этот день с тобой, малыш, и с мамой, и с папой... Но я уже пообещала Даше. Прости меня...»* — мысленно извинилась она.

— Как думаешь, что там внутри?.. — Вика интригующе кивнула на коробку с тортом, когда они зашли в тесную кабину лифта.

— Хм, ну, если там то, о чём я думаю... Надеюсь, он будет офигенным! — Даша предвкушающе зажмурилась, явно представляя что-то запредельно вкусное.

Уже на улице, вдыхая прохладный вечерний воздух и проходя мимо пустующей детской площадки, Вика вдруг спохватилась:

— Даш! Ты же букет у меня забыла!

— Ой, да пофиг, если что потом заберу, — легкомысленно отмахнулась подруга, даже не притормозив. — Тем более, вдруг Брокен начнёт допрашивать, откуда у меня цветы?

— Могла бы сказать, что это подарок от друга... Тем более это правда. Да и к тому же вы с Брокемом даже не встречаетесь.

Даша на секунду остановилась, поправила чёлку и хитро улыбнулась, блеснув глазами.

— Ну, это мы ещё посмотрим... — протянула она, и в её голосе прозвучали торжествующие нотки. — Ночь будет длинной...

Глава 10: Разбитый

В квартире Даши всё шло своим чередом — в неспешном предпраздничном ритме. Даша увлечённо колдовала над макияжем: утренний образ ей благополучно разонравился, и она решительно смыла всё. Вика тем временем помогала подруге прибирать разбросанные вещи, стараясь занять руки и унять волнение.

К десяти часам вечера ожидание стало почти осязаемым, оно словно повисло в воздухе вместе с запахом лака для волос. Чтобы разрядить обстановку, Даша включила на музыкальном центре своих любимых Origami.

— Уже совсем скоро наши придут... Ох, Вик, я же точно нормально выгляжу?! — Даша то и дело косилась на настенные часы, поправляя чёлку перед зеркалом.

— Да отлично ты выглядишь. Ребята точно оценят!

— Слушай, пока есть время... Может, я тебя всё-таки подкрашу? Пофоткаемся же на память.

— А мы без этого не сможем пофоткаться? — Вика скептически приподняла бровь, глядя на внушительный арсенал косметики.

— Ну так как-то прикольное будет...

— Даш, ну у нас же не эмо-тусовка, а день рождения. Я не хочу выглядеть как эмо сегодня...

— А я думала, перед концертом тебе понравилось.

— Тогда повод был подходящий, — мягко возразила Вика. — Было прикольно попробовать, но на один раз.

— Ну ладно, пофиг... — Даша шутливо надула губы, но настаивать не стала, возвращаясь к своему отражению.

Через пару минут коридорную тишину наконец разорвал резкий звук домофона.

— О, наши! — воскликнула Даша и вихрем умчалась в прихожую.

Вика осталась у окна. Девочка смотрела на знакомые очертания района, кутаясь в свои мысли... *«Жаль, что окна выходят не во двор, — подумала она. — Я бы очень хотела посмотреть на свой дом... Узнать, горит ли свет в квартире. Хорошо ли там родителям... Интересно, чем они сейчас заняты?»*

— О, Origami играет? Это я одобряю, — оценил Брокен, первым вваливаясь в квартиру и заполняя коридор приторным ароматом поддельного Lacoste.

— Ура! Наконец-то! — Даша радостно засыпала гостей приветствиями, обнимая каждого так, словно они не виделись вечность.

Поприветствовать гостей вышла и Вика. Едва девочки оказались в коридоре вместе, компания дружно затащила им «Happy Birthday», после чего все повалили на улицу — в кругло-суточный за провизией.

Пока девчонки-эмо выбирали закуски и алкоголь, Вика наблюдала за подругой и Брокеном. Тот, никого не стесняясь, уже вовсю распускал руки, а Даша лишь смеялась в ответ и кокетливо подыгрывала...

— Брокен, блин! Ты реально мне ничего не приготовил?.. — допытывалась она. — Пришёл с пустыми руками, как так-то?!

— Не парься, Антисердце... У меня для тебя лучший подарок будет, вот увидишь.

«Чувствую, ночька будет весёлой», — представила Вика, глядя на сладкую парочку и на то, сколько алкоголя Хрупкая уже сложила в корзину...

В квартиру компания вернулась с четырьмя тяжёлыми пакетами. Слеза, заглянув в чеки, сильно огорчилась:

— Вышло, конечно, больше, чем планировали... прямо нормально так... — протянула она, но тут же махнула рукой. — Но ладно, пофиг, именинницы могут не докидывать.

Вскоре стол был накрыт, а запасы выпивки и закусок распределены по кухонным шкафам и холодильнику — празднование наконец перешло к торжественной части...

— Чтобы любви и страсти у вас, девчонки, было охренеть как много! — Брокен намекающе подмигнул одной из именинниц. — Ну, у Даши, конечно, особенно... Короче, чтобы эмоции всегда брали верх над здравым смыслом! Вот, с днюхой вас! Давайте же опрокинем!

Все дружно поддержали тост, закинув залпом стопки с «коктейлем»... Только Вику после этого пошла чуть не стошнило. Она с трудом сглотнула, чувствуя, как обжигающая сладость вперемешку со спиртом дерёт горло, и поспешно поставила пустую рюмку на стол.

После того как каждый лично — с разной степенью неловкости — поздравил виновниц торжества, пришло время подарков... Первой была Даша:

— Моя любимая и дорогая Вика! Шестнадцать лет — это уже серьёзно, сама понимаешь... поэтому я решила, что и подарок должен быть под стать. Это тебе — с днём рождения! — Она с придыханием вручила подруге праздничный пакет, внутри которого именинницу ожидал новенький MP3-плеер.

— А-а-а, нифига себе! — невероятно обрадовалась Вика, сжимая в руках заветный гаджет..

— Ну я же обещала тебе что-то невероятное, ахах!

— Спасибо, Дашка, ты просто лучшая!..

Настал черёд Вики, и она взволнованно направилась к холодильнику. Чтобы достать подарок, ей пришлось попросить Брокена убрать с большой коробки целую батарею пивных бутылок. Ускользнув на пару минут в соседнюю комнату, Вика подожгла шестнадцать свечей маминой зажигалкой, найденной на балконе.

Когда она вернулась, осторожно неся перед собой сияющий торт — на кухне притихли абсолютно все, едва успев залить в себя очередную порцию «коктейля». Огни свечей дрожали, отражаясь в блестящих, разгорячённых азартом глазах гостей.

Даша, увидев масштаб и оформление подарка, не смогла сдержать чувств. Даже захмелевшие эмо-герл одобрительно загудели, оценив старания Вики...

— Вика... Он такой... такой классный! — Даша крепко обняла подругу, а в уголках её глаз блеснули слёзы. — Ты у меня вообще... Боже, как же я тебя люблю!

— Давай, загадывай желание... — прошептал ей на ухо Брокен, отчего по коже именинницы пробежали мурашки.

Пока Вика бережно держала торт, Даша зажмурилась, улыбнулась и на одном выдохе задула все свечи... Но не успела она открыть глаза, как чья-то рука грубо вцепилась ей в затылок и с силой впечатала лицом прямо в крем.

На мгновение наступила полная темнота... Но, к счастью, обошлось без травм — ни одна свеча не повредила глаза, но удар был резким и унижительным. Вика от неожиданности выронила торт, над которым трудилась столько часов, а Брокен залился мерзким, лающим смехом. Остальные девчонки, успевшие втихаря опрокинуть ещё по одной стопке, привычно поддерживали его глумливым хохотом.

— Ты что, конченный мать твою?! — взорвалась Вика, напугав своим криком пьяно гогочущих эмочек. — А вы? Хватит ржать чуть ли не с каждого его пердежа!

Дрожа от ярости, она схватила ошарашенную подругу за руку и потащила в ванную.

— Да ты чё, фильмов не смотрела?! Так всегда делают! — крикнул им вслед Брокен, пытаясь оправдаться. Остальные лишь издевательски покрутили пальцами у виска, глядя Вике в спину...

Пока подруги отсиживались в ванной, Брокен, не скрывая своего скотства, принялся есть остатки торта прямо с пола, зачерпывая крем пальцами и запивая его пивом.

— Какой же он идиот! Зачем нужно было так делать, я просто, сука, не понимаю... — негодовала Вика, стоя рядом с умывающейся подругой.

— Да он просто пошутить хотел... — едва слышно отозвалась Даша, смывая сладкий крем.

— Пошутить?! А если бы он тебя без глаз оставил? Даш, он поступил как конченный, вот реально... Ещё и этот его смех ужасный.

— Ну, поступок, конечно, не очень, — попыталась улыбнуться подруга, но вышло жалко. — Я тебе очень благодарна за торт. Он правда очень вкусный, пхах...

— Да я думала, мы нормально по кусочку отрежем... а не вот это всё, — вздохнула Вика, чувствуя, как праздник атмосфера праздника испортилась.

Даша на мгновение зажмурилась, глядя в зеркало на своё покрасневшее лицо...

— Блин, как думаешь... если Брокен увидит меня без макияжа, он не слишком офигеет?

— Даш... Ты сейчас серьёзно?! После того, что он сделал, тебя только это волнует?

— Я не хочу на него злиться. Просто он не подумал... Но я поговорю с ним и заставлю извиниться перед тобой, честно.

— Да зачем передо мной-то?! О себе подумай! — бросила Вика подруге, униженной в собственный же день рождения.

Она вышла из ванной, одарив осуждающим взглядом эмо-кидов, продолжающих беззаботно напиваться. *«Они вообще помнят, к кому пришли?»* — пронеслось в её тяжёлой голове. Вместо того чтобы возвращаться к ним, Вика выскользнула через гостиную на балкон, чтобы подышать и прийти в себя. В эти минуты ей больше всего на свете хотелось сбежать из этого дома и оказаться рядом с родителями... *«Это самый ужасный день рождения...»* — заключила она, слыша, как из кухни снова доносится неприятный, визгливый смех Брокена.

Даша, вопреки здравому смыслу, всё же вернулась к «друзьям»... Увидев её без макияжа, окончательно окосевший эмо-бой не придумал ничего лучше, чем выдать:

— Ого... Антисердце, ты без мейка такая ржачная, пха-ха-ха!

— Да... да пошёл ты! — не выдержала разбитая Даша и, закрыв лицо руками, бросилась к себе в комнату.

В голове Брокена, работавшей от силы на двадцать процентов, что-то запоздало, но всё же щёлкнуло. Качнувшись и едва не задев косяк, он ринулся следом...

— Детка... Ну ты чего, а? — спросил он, нависая над плачущей на кровати Дашей.

— Да отвали ты... — выдавила она сквозь слёзы.

— Ну малыш... Я реально тупанул. Это всё американцы со своими дебильными фильмами мне мозг промыли! Подумал, что это будет клёво... Прости меня.

Не услышав ничего в ответ, Брокен аккуратно присел к Даше. Он начал вкрадчиво гладить её по спине...

— Ты реально поступил как... как...

— Ну я понимаю, можешь не говорить, — тотчас перебил он её. — Давай лучше я тебе подарок сделаю?

— Подарок?..

— Ну да. Смотри, чё у меня есть — колечко...

— Ты дебил? Это зачем?!

— А это не на пальчик, дура... — ехидно усмехнулся Брокен. — Это в губу. Вставишь, в какую захочешь.

— А... спасибо, наверное... очень миленько.

Брокен придвинулся ближе, закусывая губу:

— Антисердце... А давай мутить?

— Ну... я хотела этого, но как-то... — замешкалась Даша, оглушённая резкой сменой его тона.

— Ну чё «как-то»? Давай, может, скрепим наш союз хорошим сексом?..

Даша отпрянула, глядя на него во все глаза:

— Ты реально совсем?! Брокен... Ты это сейчас серьёзно?

— Нет, пошутил я, ха-ха! Смешно, да?..

— Вообще не смешно.

— Ладно, забей... Так насчёт «мутить» — ты же согласна?

— Ну... По идее согласна... — Робко отвела взгляд Даша. — Но чтобы больше без таких приколов, окей?

— Окей, детка...

— Брокен... — тихо позвала она. — А я же красивая?..

— Да ты вообще... Нереально красивая!

Антисердце и Брокен, теперь уже в новом статусе, за руку вернулись к остальным. Опрокинув по паре «скрепляющих союз» стопок, они окончательно оторвались от реальности.

Одурманенная алкоголем и эмоциями от появления «парня», Даша сперва даже не заметила отсутствия Вики. Когда же она опомнилась — помчалась на поиски... Вторая именинница быстро нашлась в гостиной: она в одиночестве сидела перед телевизором.

— Вик, пойдём к нам... Мне без тебя плохо, — позвала поникшую подругу Даша.

— Нет, спасибо. Я, наверное, домой.

— Как домой?..

Вика вздохнула и расстроено посмотрела на номинальную хозяйку праздника:

— Ты прости меня, Даш, но такая тусовка не по мне. Вы же там просто бухаете... Это хуёвый день рождения, — тихо, но твёрдо произнесла она.

— Ну Вик... Ну они же классные! — Даша попыталась улыбнуться, но губы перестали её слушаться.

— Знаешь, я так больше не считаю. Тогда, после концерта — да, было прикольно, но сейчас... Ты разве не видишь? Им плевать на нас, они просто пришли побухать.

— Ну нет... Мне кажется, хорошо сидим. Они ведь поздравили...

— Тебе кажется.

— Ну Вика, реально, хватит! Пойдём.

Снова вздохнув, Вика встала с дивана и, подойдя к подруге, мягко взяла её за плечи:

— Даш, ты моя самая лучшая подруга. Я очень дорожу тобой и люблю... Но я не хочу быть частью этой тусовки.

— Хорошо... Я поняла, — Даша заметно поникла. — Тогда завтра встретимся?

— А ты в школу придёшь?

— Думаю, что нет... Но ты ко мне сможешь зайти?

— Хорошо, я зайду. Ещё раз с днём рождения тебя, челкастая...

— И тебя ещё раз, зануда...

После короткого прощания их общий праздник окончательно раскололся надвое. Даша растворилась в душном кухонном мареве вместе с новой компанией, а Вика ушла в прохладную ночную тишину...

Глава 11: Последние дни зимы

Дома Вику встретил сонный Пушистус и родители, комфортно расположившиеся в гостиной под знакомые мотивы «Служебного романа».

— Вы ещё не легли? — спросила Вика, глядя на обнимающихся родителей.

— Да вот, решили юность вспомнить, а потом уже спать. А ты чего так рано? — поинтересовался папа. — Мы думали, вы до утра будете зажигать...

— Да как-то там... не весело.

— Ну ладно, присоединяйся к нам тогда, зайка, — предложила Светлана Андреевна, заметив расстроенный вид дочери.

— Хорошо... Я так рада, что вы вдвоём и выглядите счастливыми. Спасибо, что вы у меня есть... — Вика окончательно расчувствовалась от нахлынувшего домашнего тепла.

— И мы очень рады, что ты у нас есть! — так же нежно отозвалась мама и поцеловала дочку в лоб.

— А кстати, от кого два таких красивых букета? — полюбопытствовал Олег Викторович.

— А, это друг... Лёнька.

— Кто?..

— Одноклассник мой — Лёня Горбунков. Очень хороший мальчик.

— А-а, ну буду знать будущего жениха! — добродушно усмехнулся папа.

— Да ну тебя, пап! — Вика смущённо засмеялась в ответ.

Когда пошли титры, семья мирно разошлась по своим комнатам. Вика нырнула под одеяло, а рядом тут же устроился Пушистус. Слушая его мерное, успокаивающее мурчание, она наконец почувствовала себя дома... Счастье перестало быть мечтой — оно дышало рядом. В ту ночь Вика поверила, что впереди её уже ожидает самая живая весна...

Запись от 15.02.2007:

Вчерашний день рождения — самый странный в моей жизни. Начался и закончился идеально, но то, что случилось в середине... Всё пошло наперекосяк. Я окончательно поняла: я чужая на этих праздниках жизни. Сегодня виделась с Дашей. У неё тяжёлый отходняк, но она, кажется, довольна. Весь день слушала её рассказы о проблемах и прелестях эмо-тусовки. Чувствовала себя некомфортно... Но кто я такая, чтобы её судить? Ещё узнала, что Брокен подарил Даше кольцо, но в губу. Как-то это очень «не очень» после его выходов... Однако если вычеркнуть всё, что произошло на квартире у Даши — это был самый лучший день в году. Моя семья, кажется, стала настоящей семьёй... Разве это не чудо?

Оставшиеся две недели февраля незаметно просочились сквозь пальцы, оставив после себя непривычное ощущение уюта. В доме Лазаревых наконец-то воцарилась счастливая, казавшаяся ранее невозможной атмосфера. На смену гнетущей, застоявшейся тоске пришёл манящий аромат домашней выпечки, испечённой Светланой Андреевной без всякого повода. Прошло совсем немного времени, но острые углы недопониманий уже заметно притупились. Казалось, что дальше — только полная свобода от прошлого.

Двадцать восьмого февраля, в последний зимний вечер, Олег Викторович достал из шкафа запыхавшийся парадный китель. Это всегда означало подготовку к встрече, к которой мужчина питал особый пиетет: из года в год в самом конце зимы он собирался с боевыми товарищами, чтобы помянуть тех, кто навсегда остался «за речкой». Место и время изменить было невозможно — небольшой ресторан в центре, где бывшие афганцы неспешно погружались в тягучие воспоминания...

Вика стояла в дверях своей комнаты, не в силах отвести печальный взгляд от отца. Он приводил в порядок китель, чистил сапоги — выглядел собранным и спокойным, но Вику не покидало чувство: после встречи с армейскими товарищами обязательно вернётся «прежний папа»... Стоило только представить, как за ним закроется дверь, и хрупкое перемирие с судьбой мгновенно закончится.

Олег Викторович не смог не заметить пронизывающий взгляд дочери в отражении зеркала в прихожей. Он замер, перестал поправлять шарф и перевёл всё внимание на неё.

— Не переживай, — тихо произнёс папа. — Когда я вернусь, всё будет хорошо. Обещаю.

— Хорошо... Я верю, пап.

— В этот вечер... Я должен быть с ними.

— Как скажешь... Я же ничего не говорю.

— А я вот говорю — люблю тебя, доченька.

— И я тебя люблю, пап...

— Ну что, собрался уже?.. — вышла проводить мужа в коридор Светлана.

— Да, собрался. До скорой встречи, любимые...

Олег Викторович поочерёдно прижал к себе жену и дочь. От него веяло одеколоном и едва уловимой грустью... В последний раз оглянув семью, он медленно закрыл дверь — в квартире воцарилась вечерняя тишина.

Спустя полчаса после ухода Олега, из гостиной стали доноситься знакомые аккорды саундтрека к «Телохранилю»; Светлана, закутавшись в плед, уже не сводила глаз с экрана. Вика же устроилась в своей комнате, подтянув поближе тяжёлую энциклопедию. Глянцевые страницы приятно ложились на пальцы, а прижавшийся к её боку Пушистус не давал забыть о вере, что в жизни всё наконец-то наладилось... Под его сладкое мурчание страницы вскоре начали расплываться, и Вика незаметно провалилась в сон — глубокий и безмятежный, полный грёз.

Первый день весны. Вика проснулась от ярких, бьющих прямо в лицо тёплых солнечных лучей. Они наполнили светом комнату, в которой уныло доживали свой век последние сдувшиеся шарики. Девочка поднялась с кровати со странным ощущением: будто что-то необратимо изменилось, но что именно — непонятно...

Выйдя из комнаты, Вика вяло дошла до родительской спальни, в которой было подозрительно пусто. В гостиной из живого был только греющийся на подоконнике Пушистус, но вдруг с кухни послышалось едва уловимое всхлипывание.

Ещё проходя через прихожую, Вика увидела маму: та стояла у окна, судорожно сжимая телефонную трубку побелевшей рукой. Лица не было видно, а из груди вырывался сорванный, клокочущий хрип...

— Мам, доброе утро... Всё хорошо? — напряжённо спросила Вика.

Светлана обернулась, но вместо ответа из неё вырвался захлебнувшийся плач. Она без сил рухнула на кухонный стул, словно у неё в одночасье перерезали все сухожилия.

— Мам... Что такое? Где папа?..

— Он... он был там... — только и смогла выдавить Светлана, задыхаясь от слёз и закрывая руками лицо.

— Где «там», мам?! О чём ты говоришь?..

— Его... его нашли у подъезда... м-мёртвым.

— Ч-что?.. О чём, ты говоришь?.. Мам?! Мам! Мама!..

Весна не принесла обещанный полёт — только оглушительное падение в бездну. Мир, который только-только начал расцветать, выгорел дотла под первыми лучами мартовского солнца.

Глава 12: Осколки

Вика пролежала в кровати весь день, отчаянно прижимая к себе котёнка. Она старалась не выпускать его ни на минуту, почти не замечая его попыток выбраться и мяуканья — которое ранило и без того раздавленное сердце. Мир за пределами одеяла перестал существовать.

Вика не пошла в школу, не позвонила Даше, игнорировала вибрирующий от СМС-ок телефон. Мама тоже не находила слов. Женщина сидела на кухне в сизом облаке табачного дыма, выкуривая сигарету за сигаретой. Светлана Андреевна пыталась осмыслить произошедшее, но логика пасовала перед фактом: бессмысленное, жестокое убийство. Нож под ребро.

Вся надежда оставалась только на следствие. Светлана ловила себя на том, что пытается нарисовать в голове образ убийцы. Кто он? Чудовище с безумным взглядом или серый, непримечательный обыватель, скрывающий внутри метку дьявола? Она жаждала для него мук, но рассудок твердил: есть закон. Если земное правосудие не справится, остаётся только то, что выше мироздания — божественный приговор, окончательный и самый справедливый.

Вика же не думала о возмездии. Всё рухнуло в тот миг, когда присутствие чуда казалось почти осязаемым — принять случившееся было выше её сил.

Милиция не сидела без дела. Спустя пару дней Лазаревых вызвали в участок. Утомлённый следователь сообщил, что в ходе оперативных мероприятий был задержан подозреваемый — таксист Кайхин Аказов. Именно он забрал Олега Викторовича в ту ночь из ресторана.

Картина вырисовывалась зыбкая. Армейский друг отца, Аркадий Мавлев, подтвердил: Олег сел в машину один, был нетрезв, но в сознании. Диспетчерская служба такси зафиксировала номер борта. Но прямых улик против Аказова не было. Кайхин свою вину отрицал в казенном кабинете так же яростно, как и на первом допросе. Он уверял, что никогда не носил при себе оружия. Нож действительно не нашли — следствие полагало, что убийца избавился от него по дороге.

Пытаясь выстроить хронологию и найти мотив, следствие ухватилось за личность погибшего. Следователь осторожно предполагал: внешность водителя могла вызвать у нетрезвого Олега Викторовича неприятные ассоциации. Афганское прошлое, обострённое алкоголем, могло спровоцировать конфликт. Милиция допускала, что отец Вики сам мог стать инициатором ссоры, которая закончилась трагическим ударом.

Кайхин же стоял на своём: ехали спокойно, без конфликтов. Он клялся, что довёз пассажира до дома, а когда разворачивался, заметил у подъезда группу мужчин, таких же нетрезвых, как и сам Олег. Аказов указывал на них как на истинных виновных, но доказать их существование не удавалось. Двор был пуст, свидетелей нет. Опрос жильцов первых этажей ничего не дал — в ту ночь дом спал мёртвым сном.

От Аказова ждали чистосердечного признания, но он продолжал настаивать на своей правде.

Лазаревы были в смятении. Светлане Андреевне меньше всего хотелось обвинять нечастного, но Кайхин оставался единственной зацепкой. И всё же, глядя на таксиста через закрытую решётку в кабинете, она сомневалась. Он выглядел потеряннным; Светлане даже показалось, будто ему искренне жаль, что её любимый покинул этот мир...

Выйдя из участка в промозглые мартовские сумерки, мама крепко сжала руку дочери: — Виновные в любом случае будут наказаны... Кем бы они ни были.

Вика никак не ответила. Она чувствовала, как надежда растворяется с каждой секундой, оставляя лишь сосущую пустоту. Аказов не походил на убийцу, был непонятен мотив... Но в голове, словно метроном, пульсировал гнетущий вопрос: «А кто тогда, если не он?..»

Дома они честно пытались подбодрить друг друга. Вика пообещала, что продолжит заниматься самбо — в память об отце. Светлана Андреевна, в свою очередь, поклялась во всём поддерживать дочь. Она хотела предложить провести этот вечер вне дома, надеясь, что прогулка в парке и ужин в каком-нибудь тихом кафе не дадут дурным мыслям окончательно их погубить... Но все благие намерения разбивались о свинцовую тяжесть утраты. Сил не было — ни физических, ни моральных.

В итоге каждая провела этот день наедине с собой, пытаясь просто дотянуть до утра и не сойти с ума. Им нечего было сказать друг другу, кроме дежурных слов утешения, которые уже не проникали сквозь плотную корку из боли.

В своей комнате, на самое видное место — в центр книжной полки — Вика поставила фотографию в белоснежной рамке. На снимке — папа, держащий её на руках, ещё совсем маленькую и искренне улыбающуюся. До трагедии эта фотография годами пылилась в комодке среди старых тетрадей и вещей, но теперь она стала безмолвным центром комнаты.

Дальнейшие дни марта напоминали всё тот же «день сурка», в котором последние годы жил сам Олег Викторович: бесцветный туман, в котором не проглядывало ни искры света. Следствие топталось на месте. Светлана Андреевна вышла на работу, но застывшая в её глазах вдовья скорбь пугала коллег — казалось, ничто в этом мире не способно её унять. Загадочные созвоны на балконе, прекратившиеся ещё в феврале, так и не возобновились. Всё осталось в прошлом.

Вика забросила и школу, и самбо. Она без малейших угрызений совести пропустила решающие тренировки, приуроченные к апрельским областным соревнованиям. От мыслей о школе становилось почти тошно: в воображении всплывали мерзкие лица одноклассников — тех самых, что не видят дальше своего носа.

О гибели Олега Викторовича даже написали в городских новостях. В секции самбо все искренне сочувствовали Вике, поэтому её отсутствие приняли с пониманием. Надежда Емельяновна, их бессменный классный руководитель, тоже передала слова соболезнования, пожелав девочке найти в себе силы и вернуться к учёбе как можно скорее.

Даша, узнав о случившемся, будто сама перестала дышать. Она не могла спать, не могла есть — трагедия Вики проросла в ней, как своя собственная. Лично они не виделись: Вика забаррикадировалась в себе, не желая никого впускать. Оставались только звонки — редкие, надтреснутые, полные длинных пауз.

— Ты главное помни... Помни, что я рядом. Была, есть и буду, — Даша каждый раз срывалась на плач, пытаясь вытащить родственную душу из бездны.

— Я знаю. Спасибо, что ты есть...

— Если бы я только знала, как помочь, Вик... Я хочу этого больше всего на свете, но я даже не знаю, как справиться с этим...

— Всё... Просто живём дальше, да?

— Конечно. Живём и радуемся, хотя бы солнцу...

— Да. Хоть чему-то.

Вика принимала эту поддержку, но внутри продолжалась затяжная эмоциональная пытка. Слова подруги казались лишь бесполезными каплями в её личном мёртвом море. К тому же, эта боль была для Вики старой знакомой — в её сердце всё ещё тлели горькие воспоминания о бабушке Гале.

На похоронах Вика впервые увидела боевых товарищей отца. Афганцы оперативно организовали всё: от венков до места на кладбище. Многие пришли в мундирах, застёгнутых на

все пуговицы, и говорили о погибшем самые тёплые, правильные слова. Но для Вики эти речи проносились мимо, как шум ветра.

Позже, когда Светлана Андреевна выпивала с ветеранами, поминая мужа, Вика сидела в стороне, оглушённая тишиной.

«Теперь, когда ты ушел, всё потеряло смысл. Семьи больше нет. Все мои желания теперь покоятся в этой земле вместе с тобой», — повторяла она про себя, глядя в самую сердцевину пустоты. За весь тот бесконечный день она так и не произнесла ни слова вслух.

Единственным живым напоминанием об отце остался Пушистус. Маленький комочек шерсти казался ей воплощением уязвимой и прекрасной души Олега Викторовича.

«Мне так тяжело смотреть на тебя, но, пожалуйста, просто будь рядом... Не бросай меня», — думала Вика, прижимая питомца к груди и слушая, как часто и быстро бьётся его крохотное сердце.

Егор Петрович также не остался в стороне. Он слишком хорошо понимал, через какой ад сейчас проходят Вика и Светлана, и эта чужая боль парадоксальным образом помогла ему самому... Осознание того, что жизнь может оборваться в любой момент, наконец-то сблизило его с дочерью. Теперь они старались не тратить драгоценное время на ссоры и старые обиды.

Отец Даши регулярно привозил Лазаревым продукты, игнорируя слабые протесты Светланы, а для Вики всегда передавал что-нибудь вкусное. Он звонил почти каждый день, просто чтобы убедиться, что они справляются.

«Я вижу, как папа старается. Он правда стал уделять мне время... Я не знаю, можно ли чувствовать себя счастливой, когда у Вики такое горе... Но я так рада, что он рядом. Что он не забывает обо мне», — думала Даша, пока отец готовил для неё любимые блины со сгущёнкой и смотрел с ней мультфильмы.

К удивлению Светланы Андреевны, руку помощи протянула даже Мария Эдуардовна — вдова Али, лучшего друга Олега...

— Аллю, Светлана? Здравствуйте, это Мария... Берсакаева.

На том конце провода повисла тяжёлая, вязкая тишина. Было слышно только далёкое шипение помех в трубке, прежде чем Мария решила продолжить:

— Я не отвлекаю?..

— Маша? Ты?.. — Светлана растерялась, крепче сжимая сотовый. — Нет-нет, не отвлекаешь. У меня как раз перерыв... Так непривычно слышать твой голос. Совсем не изменился.

— Света, мне очень жаль... — голос Марии дрогнул. — Я боюсь представить, что ты сейчас чувствуешь... Просто знай: это нужно пережить. Нужно дышать дальше. Передай Вике, что тётя Маша очень за неё переживает...

— Спасибо, Маш... Я передам, но не думаю, что она вспомнит. Она же совсем крохой была, когда вы... Я даже не думала, что у тебя мой номер остался. Столько лет прошло...

— Я до сих пор слежу за московскими новостями. Как увидела фамилию Олега — не поверила... Сразу бросилась искать старую записную книжку. Счастье, что ты не сменила номер.

— Да, я тоже этому рада.

— Грустно, что наши пути тогда разошлись, — вздохнула Мария. — Я все эти годы хотела позвонить, но руки всё никак не доходили... Сожалею об этом теперь...

— Ничего, Маш. То, что ты смогла всё это пройти и выстоять, придает мне сил.

— Главное — дети. В них твоя сила... Как Вика? Совсем взрослая уже?

— Она молодец... Учится, самбо занимается. Вернее, занималась. До всего этого... А твои мальчики как?

— Да всё хорошо, растут...

Разговор затянулся. Мария упомянула, что летом планирует вернуться в Москву.

— Я бы очень хотела, чтобы мы снова начали общаться... В память о наших мужьях. Они бы этого хотели, я чувствую...

— Я не против, Маша. Конечно. Будем созваниваться, а летом обязательно соберемся... Детей снова познакомим.

Когда Светлана положила трубку, она впервые за долгое время почувствовала, что её поняли. Поддержка женщины, пережившей такую же потерю, была бесценной. Но вечером, вернувшись домой совершенно выжатой, Светлана совсем забыла передать Вике слова тёти Маши.

Время шло. Светлана Андреевна с трудом, но возвращалась к жизни, в то время как Вика продолжала тонуть. Мама старалась не давить, но ради будущего дочери, осторожно напоминала: скоро ГИА, нужно хоть как-то на это настраиваться. Вика и сама всё понимала, но воля атрофировалась. Осознание собственной беспомощности только добавляло дров в костёр самобичевания.

Она больше не хотела доверять боль дневнику. *«Имеет ли смысл продолжать?»*— думала Вика, перечитывая февральские записи и задыхаясь от слёз.

Пока подруга мучилась в четырех стенах, Даша пыталась строить отношения с Брокеном. Ей было невыносимо стыдно за то, что в её жизни есть моменты счастья, пока подруга на дне.

«Как я вообще могу, когда Вике так плохо?..» — крутилось в голове. Но у Брокена на все переживания был заготовлен универсальный ответ:

— Не парься, детка... В жизни так бывает. Ты не виновата.

— Я просто хочу, чтобы ей стало легче...

— А так не бывает. Мир не идеален, нужно привыкать жить с болью. Она тебе сама не пишет, не звонит — значит, эмоционально недоступна. Забей. Переключись на тех, кто рядом...

— Тяжело, Брокен... Очень, блин, тяжело.

— Ну всё, иди ко мне... Давай пообнимаемся, — он начинал ныть, по-хозяйски поглаживая Дашу по бедру. — Мне плохо без твоего тела.

— Не надо, не сейчас. Не хочу, прости...

— Как всегда, — он тут же менялся в лице. — Мы месяц вместе, а у нас «сухо». Мне больно от твоего динамо.

— Ты серьезно?! Брокен, не морозь!

В ответ он лишь демонстративно отворачивался, сворачиваясь в обиженный клубок. Его поведение ужасно бесило, но Даша, запутавшись в чувствах, вечно вымаливала прощение, задабривая этого «эмоционального парня» поцелуями.

В школе Даша то и дело ловила любопытствующие взгляды. Одноклассники, не решаясь звонить Вике лично, пытались выудить новости из неё. Лёнька постоянно отирался рядом, выжидая момент, когда можно будет тихо спросить о главном, и даже Денис Осипов как-то раз подошёл к ней на перемене.

— Чего там, подруга твоя в порядке?.. — неловко спросил Осипов.

— Ей очень плохо. Сам бы позвонил, да узнал. Ей было бы приятно... Почему никто даже не попробовал поговорить с Викторией лично?..

— Да как-то оно... — Денис неуклюже почесал бритую макушку и, не найдя слов, просто ушёл к своей парте.

У всех нашлись оправдания, дела и внезапная забывчивость — кроме Лёни, смелости набрать её номер ни у кого не хватило...

— Вика, привет... Это я. Просто знай: я верю в тебя. Ты сильная, ты справишься.

— Ну да, сильная... — Вика едва держала трубку. — Спасибо, Лёнь. Мне правда приятно. Но я очень устала.

Даша в разговорах с подругой обходила школьные сплетни стороной. Она не говорила, что Вова Галанцев бросил Олю Мухину, обвинив ту в измене с лучшим другом. Эта грязная ложь, пущенная Вовой, уничтожила репутацию Оли — девушка не выдержала и сменила школу посреди четверти. Даша даже пыталась открыть глаза Денису на то, что Вова спит с его сестрой ещё с декабря.

— Тебе вообще на это пофиг?! А если он с Аней поступит?

— Ну и поделом ей! Сами разберутся.

Эмо-тусовке на Вику было абсолютно плевать. Лишь однажды Слеза сухо спросила:

— Где там твоя подружка?

— Вика? У неё очень большие проблемы — погиб отец... Она не знает, как с этим справиться...

— А, ясно. Жаль, — бросила Слеза и закрыла тему навсегда.

Даша всё чаще чувствовала себя среди них чужой. Её мутило от того, как Брокен лапает других девчонок из тусовки, сводя всё в шутку, и как те не сопротивляются. Это был гремучий коктейль из омерзения и обиды, но уйти было некуда — других друзей не было...

А Вика часами смотрела в окно, представляя, как папа — живой и невредимый — машет ей рукой у подъезда. Иллюзия не лечила, а лишь глубже вбивала гвозди в сердце.

Апрель съел остатки снега, но в её душе оставалась вечная зима. Светлана предложила пойти к психиатру, но Вика наотрез отказалась...

— Зайка... так ведь будет лучше. В этом ничего страшного...

— Зачем всё это... если папу это не вернёт. Не лезь больше с этим, мам.

Светлана боялась, что дочь пойдет по пути Олега — не справится и сгорит изнутри, а обратится за помощью слишком поздно. Вика уже бросила самбо. Только забота о Пушистусе, уже заметно подростшего, заставляла её просыпаться по утрам.

Вика продолжала звонить в милицию, но ответ был один: «Новых деталей нет». Она отчаянно ждала, когда Аказова наконец признают виновным — ей казалось, что официальный приговор наконец успокоит её разум и заставит перестать искать убийцу в каждом встречном...

Запись от 1.04.2007:

День дурака. Никакого чуда не произошло. Это всё. Знаешь, чего я жду? Ничего. Мне не хочется видеть Дашу, не хочется говорить с мамой — каждое слово о папе погружает в депрессию ещё глубже. Никакого больше самбо, никакой веры. Я обещала вести этот дневник, чтобы он стал свидетелем чуда, помнишь? А теперь что? А ничего. Спасает только Пушистус, последний подарок... Но когда-то и он умрёт. Я до сих пор обхожу место у подъезда, где его нашли. Боюсь увидеть там труп снова. Хочется писать одни маты. Завтра в школу. Пусть все видят мои опухшие глаза. Мне всё равно.

Глава 13: Найти выход

Март выдался облачным, но начало апреля озаряло солнце, что только пугало. Вика проснулась и обнаружила, что Пушистуса нет рядом. Она заглянула в родительскую спальню: котёнок крепко спал возле мамы, у которой вот-вот должен был прозвенеть будильник. Вика не стала будить малыша и начала собираться в школу.

Даже стоя под холодным душем, я не чувствую дрожи. Я готова стоять под ним часами, представляя, что, когда мои глаза закрываются, я оказываюсь посреди скованного льдами океана и вот-вот пойду ко дну...

После душа Вика неспешно высушила волосы, нанесла лёгкий макияж и закинула в рюкзак несколько случайных тетрадей. «У меня нет сил нести все эти тяжёлые учебники, не в этот раз». Она надела любимые синие джинсы, чёрную кофту и белые весенние кеды. Напоследок расчесалась у зеркала, накинула тёмно-бежевую куртку и вышла из дома, ни разу за всё утро не улыбнувшись.

«Хочу пройтись до школы одна, сделаю Даше сюрприз». Её голова не была пуста, но мысли появлялись хаотично и не задерживались надолго. Вика не думала о том, как на неё отреагируют одноклассники, что она им скажет и как будет счастлива Даша, снова увидев подругу перед собой. *«После школы стоит прогуляться, не хочу возвращаться домой сразу же. Ноги должны окончательно очнуться — сейчас каждый шаг даётся с таким трудом».*

Наконец показалась школа. На крыльце стоял несносный детский гул, многократно усиливающийся внутри здания. Стоило переступить порог, как Вику окатили знакомые и нелюбимые запахи: специфический аромат столовой, десятки литров вылитых дешёвых одеколонов. Старые стены были украшены рисунками младшеклассников. Взглянув на них, Вика почувствовала укол грусти. Казалось, детство ушло навсегда: теперь в этих работах она видела не разнообразие красок, а лишь неровные мазки и неправильные пропорции.

Лица окружающих казались странными — на них застыли искренние, на первый взгляд, эмоции, но глаза оставались стеклянными. Вика ловила обрывки разговоров в коридоре и невольно завидовала: казалось, что настоящие проблемы есть только у неё, а у остальных — лишь незначительные переживания или сплошное благополучие.

В классе Вика увидела одиноко сидящего Лёню. Он, как обычно, пришёл одним из первых. Для Вики же явиться в такую рань было в новинку...

— Да ну! Вика?! Привет! — Лёня вытаращил глаза, его лицо вытянулось от удивления.

— Здравова, Лёнь, — почти безэмоционально ответила Вика и первая протянула руку.

Горбунков с радостью протянул ей руку в ответ. Она пожала его ладонь — тёплую и немного влажную, после чего Лёня по-джентльменски отодвинул стул у своей парты.

— Пока Даши нет, можешь со мной сесть... ну, если хочешь, конечно.

— Да, давай, без проблем.

Вика опустилась рядом. Тишина в пустом классе казалась укромной, но Лёня явно чувствовал себя не в своей тарелке.

— Ну... ты как, нормально? Тебя целый месяц не было

— Вполне. Всё нагоню, не переживай. А ты как?

— Да как обычно... Матушка по ГИА гоняет, — вздохнул он.

— А-а, ГИА... — Вика уставше нахмурилась. — Точно. Надо начинать готовиться Спасибо, что напомнил.

— Ага... Ну, я рад, что ты в порядке. Мы тут все за тебя переживали, очень.

— Прямо все? — Вика скептически усмехнулась.

— Ну да... Первое время у Даши спрашивали.

— Как мило. Но позвонил только ты.

— Ну, я — да... А их ты сама знаешь. Своих проблем хватает, наверное, — Лёня отвел смущённо взгляд.

— Это точно... Ты один пришёл, да?

— Ещё Корабельникова, но она в столовку вышла.

Вика почувствовала, что лимит светской беседы исчерпан.

— Понятно. Слушай, я, наверное, сяду назад. Хочу музыку послушать, не против же?

— Да не, классно поговорили... — грустно почесал нос Лёня, провожая её взглядом.

Вика пересела на свою последнюю парту и нацепила наушники. Спустя две прослушанные песни «Ранеток» в кабинет вернулась Лиля Корабельникова — «причудливая» одноклассница в огромных очках.

— О, Викуся вернулась! Привет! — Лилия активно замахала рукой, в которой сжимала теплую сосиску в тесте.

— Привет, Лиль, — Вика нехотя отложила наушники.

— Мне очень жаль... ну, что у тебя такое произошло. Я хотела ещё тогда позвонить, но... Прости меня, пожалуйста. Будешь сосиску?

— Пх, ладно, от сосиски не откажусь, — Вика невольно хмыкнула, приняв угощение Лили.

На тесте Вика заметила пару ворсинок от её длинного шерстяного свитера, но молча сдула их и откусила кусок.

До звонка оставалось всего ничего. Класс потихоньку наполнялся гулом. К Вике по очереди подходили ребята: кто-то неловко извинялся, что не написал раньше, кто-то просто кивал. Несмотря на внутреннюю пустоту, ей было приятно. Больше всего удивили Аня и Денис Осиповы — отношения с которыми всегда были натянутыми.

— Привет, Вика... — Аня смотрела на неё непривычно серьезно. — Передай, пожалуйста, маме, что нам с Денисом очень жаль Мы желаем, чтобы у вас всё было хорошо. Я искренне верю, что всё наладится.

— Да, Вик, — поддержал сестру Денис, глядя на неё своими золотистыми глазами. — Реально переживали Прости, что не звонили, тогда было как-то стрёмно... Слова бы вряд ли помогли.

— Спасибо, ребят. Правда, спасибо, — Вика ответила им так же искренне.

Под самый звонок в класс ворвался Вова. Вокруг него мгновенно образовалась толпа.

— Ребят! Ребят, слушайте! — сиял Галанцев. — У меня батя в августе в Америку улетает. И он пообещал мне оттуда привезти... приготовьтесь... iPhone! Прикиньте?! А-а-а!

Класс ахнул. Аня тут же бросилась обнимать Вову, мечтая хотя бы подержать в руках это чудо инновации.

— Поздравляю, Галанцев! — крикнула Вика с галёрки.

— О, Лазарева, здорова Не ожидал тебя увидеть. Ну, как ты, всё пучком?

— Да вообще лучше всех. Спасибо, что спросил.

— Всегда пожалуйста, обращайся! — Вова показал ей «сердечко» пальцами и тут же умчался обратно в коридор, схватив Аню за руку, — хвастаться перед старшеклассниками.

Вика посмотрела на настенные часы. *«Неужели Дашка не придет?..»*

Прозвенел звонок. Последней в кабинет вплыла Глория Никитична, или же «Глорка», учитель английского, чья одержимость дисциплиной граничила с паранойей. Она обвела класс взглядом, задержавшись на Вике.

— О, и Лазарева здесь, — апатично констатировала она, будто речь шла о забытом в углу фикусе.

Для Вики это было ожидаемо. Урок потянулся серой жвачкой. Под нудный бубнёж Глорки девятый «В» дружно засыпал. Вика проваливалась в полудрему, где в хаотичных образах всё ещё искала выход из своей реальности. Наконец, долгожданный звонок разрезал тишину. Глория Никитична вышла первой, бросив через плечо: «Ох, наконец-то...». Она почти бежала в учительскую — пить чай и с упоением жаловаться коллегам на «неблагодарных детей».

Отсидев один тягучий урок, Вика решила, что пора домой: мысль о том, что впереди ещё пять таких же скучных часа, казалась невыносимой. На перемене она решила пойти в туалет умыться. Оказавшись внутри, Вика, ощутила сильнейший прилив эмоций — на подоконнике, обхватив колени руками, сидела «челкастая».

— А я уже думала, что не увижу тебя сегодня, хах...

— Да ну Вика! Пришла! — Даша спрыгнула на пол и бросилась обнимать подругу.

— Ахах, Дашка! Хотела тебе сюрприз сделать.

— Да я на Глорку идти просто не хотела, сама понимаешь! Тем более у меня домашки по английскому — ноль.

Вика отстранилась и внимательно посмотрела на подругу.

— Ой, ты всё-таки губу проколола...

— Ну да, как видишь — Даша кокетливо коснулась металлического кольца. — Брокен сильно обижался, что я так тянула... Теперь вот.

— Было больно?..

— Да нормально, перетерпела!

Встреча с Дашей немного придала Вике сил. Когда они вдвоём зашли в класс, Вике на мгновение показалось, что жизнь возвращается на привычные рельсы...

— Ну, как ты? Уже лучше, надеюсь?.. — Даша тревожно сжала руку Вики.

— Ну, как сказать. Вроде бы. Ко мне сегодня даже Денчик с Аней подошли, поддержали

— Ну, Денис — да, он спрашивал про тебя ещё тогда. Видимо, что-то нормальное в нём осталось

— Да во всех что-то хорошее есть, наверное, — Вика неопределенно пожала плечами.

— А у тебя как с Брокеном?

— Ох, ну... Можешь называть его просто Никитой.

Девочки разговорились, постепенно уходя от мрачной темы семейной трагедии к вещам менее масштабным, но не менее болезненным. Даша жаловалась на странности в поведении Никиты. Её тревожило, что, несмотря на всю свою приверженность культуре эмо, он будто совсем не чувствовал эмоций других. Вся его компания была заиклена исключительно на себе.

— Я ещё на дне рождения поняла, что у них в голове дерьмо, — прямо сказала Вика, пытаясь открыть подруге глаза. — Может, не твоё это всё?

— Да просто они странные, а так — эмо это моё. Я уверена.

Когда уроки подошли к концу, подруги замерли на школьном крыльце, шурясь от яркого солнца.

— Может, прогуляемся до ТЦ? Походим там Или ещё куда-нибудь, куда ты захочешь? — с надеждой в голосе спросила Даша, заглядывая подруге в глаза.

— Да я хотела бы прогуляться одна... Прости, Даш. Хочу пройтись по местам детства, посмотреть на них сейчас. Тем более с твоим подарком, музыку послушаю.

— Ну, хорошо... Я всё понимаю. Но мы же ещё погуляем вдвоём?

— Конечно. Обязательно погуляем, не сомневайся!

Девочки обнялись на прощание. Даша одиноко отправилась в сторону дома, а Вика пошла в противоположном направлении. В ней просыпалось странное, колючее любопытство к району, который она не видела целый месяц.

Глава 14: Между прошлым и будущим

В городе уже так много весны. Птичий гам перекрывает гул машин, а на деревьях оживает первая зелень... Мне нравятся звуки просыпающейся природы — в такие моменты даже музыка в плеере кажется лишней. Эти серые панельки совсем скоро утонут в листве. Как же долго я этого ждала...

Я помню, как смотрела на эти дома из окна папиной машины. Тогда мир всё равно казался ярче, даже в самую холодную зиму. Почему жизнь дала папе так мало времени? Почему всё оборвалось именно тогда, когда стало хорошо?.. Кто наказал меня за это? Неужели я должна была просто довольствоваться тем, что имею, и не смею просить большего?.. Разве хотеть счастливую семью и живого отца — это плохо?..

У меня до сих пор нет ответов. Нужно просто забыть, не думать, ведь от правды не станет легче. Возможно, когда-нибудь я приду к тебе на кладбище, папа... Когда-нибудь, но не сейчас... Прости меня за это, пожалуйста... Прости за то, что не нахожу в себе сил прийти, положить цветы и сказать, как сильно я скучаю... Я хочу верить, что ты не в холодной земле, а где-то там, наверху... Смотришь ли ты на меня оттуда?..

Дойдя до метро, Вика остановилась перед рестораном «Макдоналдс».

«А ведь я впервые побывала здесь с папой...» — промелькнуло в голове девочке, и ноги сами понесли её внутрь...

Стоя в очереди за своим заказом — большим стаканом колы, — Вика внезапно почувствовала острое желание сбежать. Вокруг были семьи... Счастливые, шумные, обычные.

«Почему я больше никогда не буду также сидеть со своими родителями? Почему всё потеряно?..» — она смотрела на окружающих, чувствуя, как в груди нарастает тупая, тягучая боль. Уголки губ задрожали, предательски опускаясь вниз. Ещё секунда — и слезы хлынут градом.

Все увидят, как я плачу, но никто не поймет... А что, если скоро я потеряю и маму? А потом Дашу? Я останусь совсем одна в этом огромном мире... Одна... Одна...

Вика начала задыхаться. Воздух стал плотным, как вата. Тело будто перестало ей принадлежать: словно чужая рука подхватила стакан, а чужие, ватные ноги вывели её из кафе на улицу.

Всхлипывая и чувствуя бешеное биение сердца, Вика пыталась удержать равновесие. Колени подкашивались, а мир вокруг стал неустойчивым...

«Что происходит? Что, блять, со мной происходит?!» — ужас накрыл её с головой. Хотелось попробовать вздохнуть и исчезнуть, провалиться сквозь землю, лишь бы скрыться от посторонних, давящих глаз.

Почти не видя дороги, она бросилась в сторону ближайших домов. Забежав в пустой, сонный двор, Вика рухнула на качели — ноги окончательно отказались её слушаться. Слезы так и не хлынули, но горький ком подступил к самому горлу, разрывая его изнутри.

Оказавшись посреди незнакомого двора, Вика продолжала дрожать. Лишь спустя десяток глубоких вдохов дыхание восстановилось, отогнав пугающее оцепенение. Контроль над телом вернулся, а голова перестала казаться свинцовой. «Что это было? Какой-то животный страх... — подумала она, вытирая холодный пот со лба. — Надеюсь, это больше никогда не повторится».

Когда всё, вроде как, пришло в норму — Вика огляделась. Двор, зажатый между типичными девятиэтажками, выглядел неуютно: большая ржавая горка, такие же качели, пустая

песочница, турники, лавочки и облезлые деревянные фигуры зверей. *«Не самое лучшее место, но плевать... Хочу просто побыть одна».*

Вика достала плеер. Включив микс из «Ранеток», МакСим и Глюк'оЗы, она закрыла глаза, стараясь заглушить музыкой те страшные вопросы, что поселились в голове... Она просидела на качелях не меньше получаса, погрузившись в свой маленький мелодичный кокон и допивая остатки колы. В какой-то момент мир вокруг изменился, но Вика, ушедшая в свои мысли, заметила это не сразу...

Теперь на площадке она была не одна.

Трое парней постарше стояли поодаль и о чем-то бурно переговаривались, поглядывая в сторону Вики. Один из них, не скрывая жадного интереса, буквально впился взглядом в светловолосую незнакомку. Вскоре она почувствовала нарастающий дискомфорт — её личное пространство бесцеремонно взламывали... Вика несколько раз бросала в их сторону короткие взгляды и каждый раз натыкалась на встречные — пугающие и гнусные. Парни обсуждали её на незнакомом языке, и от интонаций их голосов становилось не по себе.

Паника накрыла с новой силой. Стоило Вике подняться, чтобы уйти, как троица синхронно двинулась следом...

«Моих навыков самбо не хватит на троих... Да и форма уже не та. Что сейчас будет?..» — она гнала от себя самые жуткие мысли, понимая, что бежать бессмысленно — догонят в два счета. Один из преследователей настойчиво ускорил шаг и резко схватил её руку выше локтя...

«Только не это...» — жизнь моментально пронеслась перед глазами, и Вика беспомощно остолбенела...

В ту же секунду на оставшихся позади парней кто-то напал сзади. Незнакомец обрушил на одного из них хлесткий удар по затылку. Второй не успел среагировать, как мощный выпад в лицо свалил на землю и его.

Третий, державший Вику, на мгновение замешкался, собираясь броситься на помощь своим, и это промедление отправило его напрямик к ним — на твердую землю. Бывшая самбистка освободилась от оцепенения: резкий разворот, захват, и вот уже парень летит через плечо. *«Неужели навыки остались, хах!»* — почувствоваланереальный прилив сил Вика. Она обернулась и увидела, что её спасителя начали забивать двое поднявшихся с земли парней.

— Пацаны! Все сюда! Быстрее! — закричала что есть мочи Вика.

Услышав призыв и, наконец, разглядев внешний вид напавшего на них юноши — шпана осознала, с кем связалась.

— Это ловушка, кажется... — в ужасе прохрипел один из них.

Весь их запал продолжать драку мгновенно исчез. Они бросились наутёк, а поверженный Викой противник вскочил, держась за бок, и ринулся вслед за друзьями.

На опустевшей детской площадке остались только двое: Вика и её внезапный защитник...

Глава 15

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.